

Карен Мари Монинг В огненном плену

Мак вернулась, и она крута как никогда!

*Автор бестселлеров по версии
«Нью-Йорк таймс» Дж. Р. Вард*

Изысканный темный саспенс! Карен Мари Монинг — мой любимый автор, ее серия «Лихорадок» — моя любимая серия, которую я выбрала за напряженный, закрученный сюжет с изумительным паранормальным подходом.

*Автор бестселлеров по версии
«Нью-Йорк таймс» Лиза Гарднер*

Новый шедевр непревзойденного автора, «В огненном плену», вышел потрясающим, сексуальным и опасным. Я обожаю Мак! Никто не написал бы о ней лучше.

*Автор бестселлеров по версии
«Нью-Йорк таймс» Сильвия Дэй*

Готовьтесь к захватывающему путешествию в поразительный мир «Лихорадок», полный головокружительных

неожиданностей и обжигающей чувственности.

*Автор бестселлеров по версии
«Нью-Йорк таймс» Кресли Коул*

«В огненном плену» получает от меня наивысшую оценку. Мне хотелось бежать по городу и кричать: «Мак вернулась! Мак вернулась!» Хватайте еду, запасайтесь водой и садитесь читать: вам не оторваться от этой книги; пока не прочтете последней страницы, она не отпустит вас даже поспать!

*Автор бестселлеров по версии
«Нью-Йорк таймс» Линда Говард*

*В память о Муниэдоу, лучшей из
кошек, когда-либо живших на свете.*

Покойся с миром, детка

*Вам не узнать, из чего сделаны
люди, пока вы не увидите их под
огнем.*

*Эта книга посвящается тебе,
папа, — вдохновителю, воину, герою.*

Дорогой читатель,

если для тебя это первая книга, выбранная из серии «Лихорадок», то разобраться в предыстории тебе поможет путеводитель по персонажам, местам и предметам, размещенный в конце.

Если же ты закаленный читатель серии, то этот путеводитель позволит тебе заново ознакомиться с главными событиями и персонажами, вспомнить, когда они впервые появились, что делали, выжили ли они, и если нет, то как погибли.

Вы можете начать чтение с путеводителя, знакомясь с миром Фей, или обращаться к нему в процессе чтения, чтобы освежить память. Там же вы найдете несколько фрагментов новой информации. Путеводитель разделяет персонажей по типам, затем переходит к местам, после — к предметам.

Новых читателей я приглашаю в мир «Лихорадок».

Преданных читателей, благодаря которым у меня есть возможность каждый день посвящать любимому делу, я приветствую и радуюсь новой встрече.

Карен

**Одиннадцать месяцев назад, мотель
«Кларин-хаус» Дублин, Ирландия
6 августа, ДПС
Иерихон Бэрронс**

— Кто там?

Два часа ночи. Люди спят. Ее голос из-за двери кажется сонным, нежным, южным, юным. Чертовски юным. Невинным. В моем зоопарке МакКайла Лейн — зверь уникальный.

— Иерихон Бэрронс.

— Что *вам* нужно? — От сонливости в ее голосе не осталось и следа. Перекатись она в постели через гремучую змею, ей и то не удалось бы казаться более проснувшейся.

Я смеюсь, беззвучно и безрадостно. Я хочу большего, чем она способна выдержать.

— Обмен информацией. Вы хотите знать, что *это* такое. Я хочу знать, откуда вы *об этом* узнали.

— Умник, да? Я еще в магазине это заметила. Что же тебя так задержало?

Ей не удастся скрыть страх за сарказмом. Я тщательно подбираю следующие слова. Я хочу, чтобы она открыла дверь по собственной воле, чтобы сама пригласила меня войти. Эта вежливость по некоторым причинам важна для меня.

— Я не привык просить то, что мне нужно.

Кроме того, не в моих привычках торговаться с женщинами.

Она некоторое время молчит, наслаждаясь моим ответом, — ведь я отнес ее к классу женщин, с которыми готов торговаться. Это позволяет ей ощутить крупицу контроля над ситуацией — словно я «ситуация». На ее пороге стоит не ситуация, а чертов катаклизм. Слова... Почему они вечно хотят слов? Почему они этим словам верят?

— Ну вот и привыкай, парень, потому что я никому не позволяю мной командовать. Кроме того, я никому и ничего не собираюсь отдавать даром.

Она назвала меня парнем. За одно только это я могу убить ее раньше, чем закончу допрашивать. Формальность заставляет ее считать меня менее зрелым, чем я есть, и менее опасным. Я готов надеть любую шкуру, лишь бы пробраться внутрь.

— Вы намерены открыть дверь, мисс Лейн, или мы будем вести беседу таким образом, чтобы кто угодно мог нас подслушать?

— Вы действительно намерены обменяться информацией?

— Да.

— И вы начнете первым?

— Начну.

Она так чертовски доверчива.

— Мы можем обменяться информацией через

дверь.

Размечталась. У меня не настолько длинный орган. Я пришел сюда за двумя вещами. И без них не уйду.

— Нет.

— Почему нет?

— Я предпочитаю конфиденциальность, мисс Лейн. Иначе обмен не состоится.

— Но я...

— Нет.

— Как вы нашли меня?

Скрипят пружины матраца. Шуршат натягиваемые джинсы.

— В моем заведении вы заказывали транспортное средство.

— Знаете, там, откуда я родом, такие заведения называют книжными магазинами. А транспортные средства — такси.

Это что, намек на наличие характера? Под ее пушистой шерсткой все же есть хребет?

— А там, откуда родом я, имеют представление о хороших манерах, мисс Лейн. Вы знакомы с этим понятием?

— Знакома, — бормочет она. — И я не виновата. Когда мне угрожают, наружу вырывается моя худшая половина.

Она открывает дверь. Выглядывает наружу. Над тонкой соплей дверной цепочки, которую я

могу сломать, просто моргнув.

Твою мать, думаю я. Вот именно так. Разнообразие твоуматей в одной огромной проклятой куче. К примеру: мать мою, если я действительно хочу эту... эту... новорожденную имбецилку. И ей конец, если мой конец окажется в ней. И чтоб меня, если я уйду просто так. Достаточно уже того, что я выпустил ее из своего магазина. Нужно было убить таксиста. И уже тогда взять то, что я хотел.

Невинная. Мягкая. Приятно пахнущая. Лицо чуть припухло от сна. Светлая путаница волос так и просится, чтобы ее намотали на кулак. Я вижу, как эти волосы рассыпаются по ее спине, скользят по округлым ягодицам. Я вижу себя под ней, за ней. Входящим в нее. Что она сделает? Что скажет? Как она звучит, когда достигает пика? Теряет ли она, как и большинство женщин, частицу своей души в сексе? Оставит ли эту частицу мне? Черт.

— Могу я войти? — Я не улыбаюсь. От моих улыбок люди не расслабляются.

— Я не собираюсь пускать вас в свою комнату.

Глаза у нее зеленые, злые. Соски напряжены. Похоть не знает логики. Она поражает нас в самых странных местах в самое неподходящее время. Девочка даже не осознаёт, что сейчас ощущает. Она возвела между нами баррикаду из приличий и лжи.

Я презираю подобный тип женщин. Мне отвратительна ее мягкая розовая невинность. Но мое тело не согласно со мной. И я думаю: почему *она*? Почему, к примеру, не уличный фонарь, с которым у нас столько же общего? Она — шифон и атласные ленточки. Я — сырое мясо и бритвенные лезвия. Меня никогда не влекло к противоположности. Мне *нравится* то, чем я являюсь.

— Твоя грудь затвердела, — бормочу я, оставляя ей выбор: разобрать это или притвориться, что не услышала.

Она моргает и качает головой.

— Как вы вошли в мотель?

Ах, у человеческого уха чудесные фильтры.

— Я назвался вашим братом.

— Ну конечно. Мы ведь так похожи.

Кружево ее ночного одеяния трепещет от каждого вдоха. Она дрожит, пытаясь скрыть дрожь. Я оглядываю крошечную комнату за ее плечом. Номер чуть лучше, чем в почасовой ночлежке. То, за чем я пришел, я получу гораздо раньше. Но вначале дело.

— Итак, мисс Лейн?

— Я думаю.

— Не перетрудитесь.

— Не будьте такой свиньей.

— Я считаю до трех и затем ухожу. Два.

— Ой, ладно. *Входите*, — огрызается она.

И я улыбаюсь, но позволяю себе это лишь потому, что она закрыла дверь, чтобы снять цепочку, и не может меня увидеть. Она открывает дверь и отступает на шаг. Я давно обнаружил, что между тем, как женщина снимает цепочку и раздвигает ноги, проходит не так уж много времени. Они словно не могут открыть только один вход. И эта болезнь называется надеждой.

Она распахивает дверь настежь. Ей кажется, что так будет безопаснее. Я вхожу. И не утруждаюсь закрыть за собой дверь. Для этого еще будет время. Она подцепляет носком кружевной бюстгальтер с ковра и отправляет его под кровать. Прежде чем уйти, я увижу гораздо больше.

— Ну так что же это? Нет, подождите, можете произнести это слово по буквам?

Я обхожу ее по кругу. Она поворачивается вместе со мной, не желая открывать спину. Впрочем, я все равно ее получу. Всеми возможными способами.

— С-и-н-с-а-р.

— Синсар?

— Ши-са. Ши-са-ду.

Я продолжаю кружить. Мне нравится смотреть, как движется ее тело. Если она опустит взгляд, то увидит, что мое пальто расстегнуто, а костюм не в силах скрыть, насколько сильно я ее

хочу. Но она не сводит глаз с моего лица. На это мало кто способен.

— Ага, от этого оно стало звучать понятнее. А что за «ду»?

Я прекращаю кружить, останавливаясь лицом к входу. Она стоит спиной к двери. Между нами всего три фута. Я могу чувствовать ее тепло. Ощущать ее запах.

— Д-а-б-х.

— Дабх означает «ду»? А пабы следует писать как пубхы?

— Дабх — гэльское слово, мисс Лейн. Паб — нет.

— Со смеху умереть можно.

— В Ши-са-ду нет ничего смешного.

— Хорошо, больше не буду. Так что же это за мрачнейшая вещь?

Она легкомысленна. Ей здесь совершенно не место. Фиа была права.

«Это будет милосердием, Иерихон. Убей эту девушку быстро, пока один из оставшихся не начал пытаться ее дни напролет, чтобы затем вырвать горло».

«„Милосердие“ вдруг стало моим вторым чертовым именем?»

«Сделай это ради меня, Иерихон. Мне невыносима сама мысль о том, что с ней может сделать кто-то из них».

«Кто-то из них? Или я, Фиона? Мысль о ком тебе настолько невыносима?»

«Я видела, как ты на нее смотришь, Иерихон. Как ты можешь хотеть эту... эту... это глупое, пустоголовое дитя?! Что она может тебе предложить?»

— Слишком долго, — говорю я. Фиона пробыла со мной слишком долго.

— Что? — удивленно спрашивает она.

И я внезапно ощущаю ярость от того, что МакКайла Лейн явилась в мой город, считая, что может играть на одном поле со мной и существами моей породы, стать моей проблемой в любом из значений этого слова.

— Возвращайтесь домой, мисс Лейн. Оставайтесь молодой. Оставайтесь привлекательной. Выходите замуж. Рожайте детей. Старейте вместе с любимым мужем.

— Черт бы вас побрал, Иерихон Бэрронс. Скажите мне, что это. Вы обещали рассказать.

— Только если вы будете настаивать. Не совершайте глупостей. Не настаивайте.

— Я определенно настаиваю. Что это?

— Последнее предупреждение. — О многом, об очень многом.

— Не прокатит. Мне не нужно последнее предупреждение. Говорите.

Я все равно лгал. Последнее предупреждение

было тем самым, первым. Когда она вошла в мою дверь.

— «Синсар Дабх» — это книга.

— Книга? Всего лишь? Просто книга?

— О нет, мисс Лейн, не заблуждайтесь на этот счет. Не думайте об этом как о простой книге. Это чрезвычайно редкий и невероятно древний манускрипт, и множество людей готовы на убийство, лишь бы заполучить его.

— Включая вас? Вы бы тоже убили, чтобы заполучить его?

— Безусловно. Кого угодно и что угодно, что встанет у меня на пути. Всегда был готов. И всегда буду. Передумали оставаться, мисс Лейн?

— Безусловно, нет.

— Тогда вы отправитесь домой в гробу.

— Это еще одна угроза с вашей стороны?

— В гроб вас уложу не я.

— А кто?

— Я ответил на ваш вопрос, теперь ваша очередь отвечать на мой. Как вы узнали о «Синсар Дабх», мисс Лейн? Отвечайте. И не лгите мне. Я сразу почувствую ложь. — Я мог бы использовать Глас и заставить ее рассказать мне все до мелочей. Но так интереснее.

— Моя сестра здесь училась. Месяц назад ее убили. Перед смертью она отправила мне сообщение по голосовой почте, сказала, что я

должна найти «Синсар Дабх».

— Почему?

— Она не объяснила. Она только сказала, что от этого зависит все.

— Где это сообщение? Я должен его прослушать.

— Я случайно удалила его. — Она на секунду отводит взгляд.

— Лжете. Вы не совершили бы такой ошибки с сообщением вашей сестры, ради которой готовы рисковать жизнью. Где оно? Если вы не со мной, мисс Лейн, то вы против меня. А я не питаю ни малейшей жалости к своим врагам.

— Я передала копию этой записи дублинской «Гарде». Они сейчас ищут того человека, с которым встречалась моя сестра. — И снова взгляд в сторону.

— Дайте мне свой телефон.

— Ни за что. Но я поставлю его на громкую связь.

Она дает мне прослушать сообщение. И не сводит глаз с моего лица. Сколькому я мог бы ее научить... будь она в силах это вынести.

— Вы знали мою сестру?

Я чуть поворачиваю голову влево, изображая отрицание.

— Вы оба охотились за этой «чрезвычайно редкой книгой» и ни разу не пересеклись?

— Дублин — это город с многомиллионным населением, к которому ежедневно добавляется бесчисленное количество приезжих из пригорода и нескончаемый поток туристов, мисс Лейн. Странно было бы, если бы мы *пересеклись*. Что она имела в виду, говоря «ты даже не знаешь, *кто ты такая*»?

— Я сама удивилась. Не имею понятия.

— Ни малейшего?

— Ни малейшего.

— Хм. Это все, что она оставила вам? Сообщение?

Она кивает.

— Больше ничего? Ни записки, ни посылки, ни чего-то подобного?

Она чуть двигает головой влево, изображая безмолвный отказ. Я вглядываюсь в ее глаза. Глубоко, очень глубоко в них таится насмешка. Она только что передразнила меня. Мой орган твердеет.

— И вы не знали, что она имеет в виду, произнося «Синсар Дабх»? Ваша сестра не была с вами откровенна?

— Я думала, что была. Но я ошибалась.

— Кого она имела в виду, говоря о «них»?

— Я думала, что *вы* сможете мне это объяснить.

— Я не один из «них», если вы на это намекаете. Многие ищут «Синсар Дабх», как в одиночку, так и группами. Мне нужна книга, но я

занимаюсь поиском один.

— Зачем она вам?

— Она бесценна. А я коллекционирую книги.

— И только поэтому вы согласны ради нее убивать? И что вы собираетесь с ней потом делать? Продать за баснословную цену на торгах?

— Если вам не нравятся мои методы, держитесь от меня подальше.

— Хорошо.

— Хорошо. Что еще вы можете сообщить мне, мисс Лейн?

— Ничего.

Она ледяным взглядом указывает мне на дверь.

Я смеюсь:

— Кажется, меня выпроваживают. Ну что ж, я отступаю от этого дела. Не могу припомнить, когда мне последний раз приходилось отступить.

Я почти прохожу мимо нее, почти оказываюсь у двери, но тут хватаю ее и резко притягиваю спиной к себе. Ее затылок ударяется о мою грудь. Зубы клацают. Она издает неясный звук, выражающий протест, и сразу за ним — еще один, гортанный, не имеющий никакого отношения к протесту. Я обхватываю ее рукой под грудью.

Я могу учуять, когда женщина хочет секса. От нее я почувствовал этот запах в своем магазине. И чую его сейчас. Она пока что не видит себя, она

определенно не может увидеть меня, не может признать, чего хочет. Но ее тело это знает. Желание живет в крови. Ему не нужны голова или сердце. Плоть ее — мягкая, розовая. Кровь раскалена докрасна.

— Что вы *делаете*?

— Без инструкции непонятно? — Я крепче прижимаюсь к ее ягодицам.

— Да вы *издеваетесь*! Вы совершенно не в моем вкусе, и вы... вы... да сколько вам вообще *лет*? Фу!

— Твой запах говорит об ином. — Я вдыхаю. Так я могу еще больше насладиться ее близостью.

— Мой запах? Вы что, думаете, будто можете учуять... вы думаете, я... Ой! Отпустите меня! Сейчас же! Отвали! Я буду кричать.

— О, ты обязательно будешь кричать. Это я тебе обещаю.

Под моей рукой бешено колотится ее сердце, она дышит неглубоко и очень часто. Возбуждение меняет линии ее тела, они плавятся и перетекают в новые, соответствующие моим. Когда женщина хочет секса, у нее изгибается позвоночник: едва заметно, мягко смещается основание, резче становится линия в том месте, где поясница переходит в ягодицы. Груды напрягаются и поднимаются, меняется линия подбородка, мышцы рта напрягаются. Я изучал людей на протяжении

маленькой вечности. Намерение проникает в каждое их движение. Дорожный атлас внутренних стремлений детально изложен на их коже. Они рождены, чтобы быть рабами.

— Да вы с ума сошли! Я вас не хочу. Убирайтесь из моей комнаты!

— Чтобы вы могли заползти обратно в кровать, поплакать о сестре, которую потеряли, и поразмыслить над собственной некомпетентностью? Нацарапать на бумаге свои смехотворные планы мести? Вы даже не знаете, что означает это слово.

Но она может узнать.

— Вам так не терпится остаться наедине со своим горем? Неужели это горе так хорошо в постели? Когда вы в последний раз забывались в хорошем жестком сексе, мисс Лейн? И забывались ли вообще? Я думаю, что у вас всегда был нежный, милый и гигиеничный секс, а когда он заканчивался, вы лежали и думали, почему же вокруг него столько шума.

— Вы сумасшедший! Вам это известно, верно? Вы совершенно, на фиг сумасшедший. Как вы смеете приходить сюда, угрожать мне, унижать и запугивать, а потом пытаться со мной переспать? И еще смеяться над совершенно нормальным сексом!

— У меня нет ни малейшего желания спать с

вами. Я хочу вас отыметь. И не существует такого понятия, как совершенно нормальный секс. Если он «совершенно нормальный», — передразниваю я фальцетом, — его стоит пристрелить и избавить от страданий. Секс либо выносит вам к черту мозги, либо он недостаточно хорош. Вы хотите, чтобы я вынес вам мозг, мисс Лейн? Давайте. Сделайте это. Будьте взрослой девочкой.

Ее тело вздрагивает в моих руках.

— Вы мне даже не нравитесь.

— Вы мне тоже не нравитесь. Но я возбужден, а вы такая влажная...

— Вы не можете этого знать!

Моя рука скользит к верхней пуговице ее ширинки.

— Хотите, чтобы я это доказал? Если вы будете настаивать на своей лжи, у меня не останется выбора.

Я расстегиваю первую пуговицу, за ней вторую. Позвоночник МакКайлы изгибается, сопротивляясь мне, но более мягко, более уступчиво. Человеческое тело поразительно.

— Так вы влажная, мисс Лейн? Да или нет?

Когда она ничего не отвечает, я расстегиваю третью пуговицу.

— Давайте договоримся. Я проверю, и если вы сухая, я уйду.

Она шипит.

— Ответьте на вопрос.

— Не ваше дело.

— Велите мне прекратить. — Я расстегиваю четвертую пуговицу. Остается только одна.

— Я вас ненавижу.

— Я это переживу. Вы хоть раз занимались сексом с тех пор, как погибла ваша сестра? Отпустите себя, мисс Лейн. Хоть раз в своей бедной судьбой жизни позвольте себе горячий секс.

Внезапно она каменеет в моей хватке. Отталкивается бедрами, изгибается и поворачивается в моих руках, бьет меня ладонями в грудь, а коленом в пах. Точнее, пытается это сделать. В последний момент я блокирую удар коленом.

— Вы ничего обо мне не знаете! — восклицает она.

Ее грудь тяжело вздымается, пульс бешено колотится в горле.

— Я знаю вас лучше, чем те, кого вы зовете своими лучшими друзьями. Я вас вижу.

— Да ну?

Она вскидывает подбородок. Что-то сверкает в глубине ее глаз. Я замираю. Что это было? Что-то совершенно не похожее на то, что она демонстрирует на поверхности. Я этого не ожидал. Интересно.

— И что же вы, черт побери, видите? — Она

почти рычит.

— Женщину, которая всю жизнь прожила в клетке. И ненавидит это. Вам скучно там, не так ли? Вы ждете, когда же начнется реальная жизнь. А когда она начинается, она крадет у вас самое дорогое. Так ответьте ей. Взорвитесь. Рванитесь на волю. Ваш ход.

Она смотрит на меня и облизывает губы.

— Бушуйте. Проклинайте. Беснуйтесь. Выпустите все это на меня. — Я шагаю вперед, жестко хватаю ее между ног, тру ладонью. Жар, которым от нее пышет, великолепен. — Велите мне остановиться.

На долгий миг она замирает без движения. Затем резко мотает головой влево.

Я смеюсь.

Я засовываю руки в ее штаны, и пятая пуговица отлетает, стучит по полу. Я проталкиваю палец в ее тело, и ее колени поддаются, она падает на меня. Она такая чертовски влажная. Мы вместе валимся на пол.

— Меня *тошнит* от того, как я себя чувствую, — шипит она. — Я ненавижу свою жизнь! Я все в ней ненавижу!

Она душит меня моим галстуком в неловкой попытке его стянуть. Она все еще живет в мире, где мальчики полностью раздеваются, а девочки лежат на спине и ждут. На самом деле нужно обнажить

всего два места.

— К черту галстук. Расстегни мои штаны.

Она дергает их так сильно, что ломает молнию на моем костюме за десять тысяч долларов. Я подхватываю ее за пояс джинсов и вытряхиваю из них. Она отталкивается от пола, чтобы перевернуться, но я уже сзади. Я толкаю ее обратно на пол.

— Оставайся там. Я хочу именно так.

— Но ты сказал, что я могу...

— Твоя очередь наступит потом.

— Тут дело во мне, помнишь? Ты сам так сказал. И я хочу того, чего хочу *сейчас*.

— Попробуйте, мисс Лейн, просто попробуйте.

К ее чести, она пытается. Но я сильнее. Я первым диктую правила, и, судя по издаваемым ею звукам, она не против. Собрал ее волосы в кулак, я раздвигаю ей ноги, насколько это возможно, и прижимаю ее к полу. Позже я поставлю ее на четвереньки. Но сейчас мне нужно, чтобы она была неподвижна, насколько я могу удержать ее в этом положении. Я втискиваюсь между ее ног, и она издает приглушенный вскрик. Скользя по влаге, наличие которой она отрицала, я вхожу в нее. И воздух взрывается. Она выгибает спину и воет. Я некоторое время не двигаюсь. Любое движение сейчас может меня подставить. Она выгибается подо мной.

— Двигайся, ублюдок!

— Когда буду готов.

Я сжимаю ладони на ее ребрах. Она сопротивляется. Утром она вся будет в синяках. Я выуживаю несколько ненавистных воспоминаний. Моя кровь леденеет. Тело твердеет. Я начинаю двигаться и теряю ощущение времени. Четыре часа кажутся мне четырьмя минутами. Для столь мягкого создания она окунается в секс решительно, творчески. Я пробую ее на вкус. Я могу сожрать ее заживо. Она смыкает губы на моем органе. Я обхватываю ладонями ее голову. Я не хочу ее отпускать. Скользящий от пота, я оскверняю ее с благоговением. Или же почитаю ее, оскверняя. Каждый. Дюйм. Ее. Офигительнопрекрасноготела. Ей это нравится. С этой женщиной не может быть никаких запретов. Я бы не поверил, что в ней есть нечто подобное. И она *действительно* кричит.

Позже я перекатываюсь на спину и позволяю ей раскачивать мир вокруг меня. Что она, черт ее возьми, и делает.

Она седлат меня, повернувшись ко мне задом, в зеркальной позе наездницы, спутанные волосы колышутся надо мной. И, черт возьми, эта женщина умеет ездить.

— Помедленнее. — Я кладу руки на ее ягодицы, чтобы она не заставила меня разрядиться за пару секунд.

Она вскакивает на ноги, роняет голову ниже восхитительно влажного голого паха, в котором нет ни грамма запретов, и обжигает меня яростным взглядом.

— Прекрати меня держать! — рывкает она. — Ты чертов контрол-фрик. Теперь моя очередь. Делай то, что я говорю. И если это значит, что тебе придется разрядиться и снова возбудиться, смирись с этим. — Она выгибает бровь. — Если, конечно, я тебя не вымотала.

Я усмехаюсь и ничего не отвечаю. Она уже знает, что это невозможно.

— И не думай, будто это означает, что завтра я захочу тебя увидеть. — Она возвращается в прежнее положение, и я готов взорваться.

— Я не страдаю подобными заблуждениями. И тебе того же желаю, — резко говорю я.

Она отлично знает, что со мной делать, скользит вверх до той точки, в которой я почти выхожу из нее, и дразнит короткими быстрыми движениями бедер, прежде чем опять резко опуститься и медленно двинуться вверх. Миленькая розовая Барби занимается сексом неистово и ненасытно, как животное.

Ее голова запрокинута, спина выгнута. Она забыла правила, моральные установки, ей плевать на все, кроме внутренних императивов. И я думаю: может ли она жить так же, как занимается сексом?

Мое тело напрягается еще сильнее.

Я оставляю ее незадолго до рассвета.

У двери я оборачиваюсь и смотрю на нее. И качаю головой. Она лежит, повернувшись ко мне спиной. Она обмоталась простыней.

— Мак.

Она медленно оборачивается, и я беззвучно ругаюсь. Она уже меняется. Это началось, как только я стал натягивать одежду. И теперь почти закончилось. У нее другие глаза. Настороженные, окрашенные той человеческой эмоцией, которую я больше всего презираю: сожалением. Я ошибся. Она была не готова. Пока не готова.

К полудню она будет меня ненавидеть. К ночи убедит себя в том, что я ее изнасиловал. К завтрашнему дню возненавидит себя.

Я пересекаю комнату, запечатываю ладонью ей рот и налегаю на руку, которую прижал к ее груди, сжимая ей легкие так, что она не способна вдохнуть. Ее жизнь в моих руках. Я могу лишить ее способности дышать. И я же могу вернуть ее.

Я думаю о том, кем может стать МакКайла Лейн, прижатая к стене, лишенная всех своих защит, достигшая предела выносливости.

Я прижимаюсь губами к ее уху. И говорю тихо и нежно:

— Отправляйтесь домой, мисс Лейн. Вам здесь не место. Оставьте дело «Гарде». Прекратите

задавать вопросы. Не ищите «Синсар Дабх», иначе Дублин станет вашей могилой. Я слишком долго охотился и слишком близко подобрался к цели, чтобы позволить кому-нибудь все испортить. В этом мире есть лишь два вида людей, мисс Лейн: те, кто выживает любой ценой, и те, кто является ходячей жертвой.

Я скольжу языком по вене, трепещущей на ее горле. Ее сердце колотится, как у перепуганного кролика. Страх меня не возбуждает. Но мое тело снова напряжено почти до боли. Мне стоит покончить со всем этим здесь и сейчас. Вырвать ей глотку, оставить ее тело в этой грязной маленькой комнате. Возможно, я убью ее завтра. Возможно, прикую цепями в своем магазине — на некоторое время. Я дам ей единственный шанс убежать. Если она останется, я буду избавлен от ответственности за все, что может с ней приключиться.

— Вы, мисс Лейн, жертва. Вы ягненок в городе волков. Я даю вам время до девяти вечера завтрашнего дня, чтобы убраться к дьяволу из этой страны и с моего пути.

Я отпускаю ее, и она оседает на пол.

Затем я склоняюсь над ней, касаюсь ее лица, шепчу древние слова друидского заклятия, и когда заканчиваю, из воспоминаний об этой ночи у нее остаются лишь наш разговор и моя угроза. Она никогда не узнает, что в эту ночь была моей.

Часть I

Не прячь своих ошибок, или Они найдут тебя, они сожгут тебя.

«Выбратся живым», Three Days Grace

Некоторые из нас рождаются не однажды. Некоторые из нас воссоздают себя множество раз. Риодан говорит, что адаптивность равна выживаемости. Риодан много чего говорит. Иногда я слушаю. Но точно знаю лишь одно: каждый раз, когда я открываю глаза, включается мой мозг и глубоко внутри просыпается кое-что еще. И я понимаю, что сделаю все возможное. Чтобы. Просто. Продолжать. Дышать.

Из дневников Даниэллы О'Мелли

Пролог

Огонь для его льда, холод для ее пламени.

Король Невидимых смотрит на женщину, лежащую без сознания в его крыльях. Она была его второй половиной. Он знал это с того самого

момента, как нашел ее. И это было его пыткой каждый миг, который он провел без нее.

В то краткое время, что они провели вместе, он испытывал лишь истинное наслаждение существованием. Прежде тьма текла в нем и вокруг него, неустанно, как штормовое море. Он думал, что, возможно, причиной тому его молодость и что через четверть миллиона лет, плюс минус несколько эпох, тяжесть отпустит.

Чтобы скоротать беспокойные эры, он творил новое, собирал материю и придавал ей форму гор и деревьев, океанов и пустынь, планет и звезд, галактик и черных дыр. В его власти были все силы, кроме единственной: Песни Творения, легенда о которой гласила, что с нее началось и ею же может закончиться само основание бытия. Эта магия принадлежала исключительно Королеве его расы.

Светлая Королева редко пользовалась этой разрушающей мелодией. Обладание великой силой требовало великой платы. Легенда гласит, что в незапамятные времена их раса украла священную Песнь, как люди украли огонь у своих богов. Это могло означать, что боги были и у Фей, но Король знал правду. Не было ничего, кроме него. Он долгое время искал себе подобных.

Проходили эпохи. Возникали и распадались цивилизации. Недовольный, скучающий Король создавал и уничтожал миры, чтобы создать их

снова. Он предпринял равнодушную попытку пожить некоторое время при дворе, с Королевой Светлых, и скоротал несколько столетий, забавляясь ее мелочными интригами. Древние гобелены говорили о том, что она сплела их только ради него. Но взгляды ее были холодны и ограничены, ее двор — слишком пышен и ярок для глаз, миллионы лет вбиривших черный бархат и звезды, а мелодии этого двора — слишком нестройны без огня.

Он вновь ушел. Раздраженный. Одинокий. Ищущий чего-то, чему не знал названия.

В маленьком мирке, находящемся в дальнем уголке крошечной и совершенно непримечательной галактики, который он посетил сам не зная зачем, он нашел ее. Непредсказуемую, своенравную, счастливую в своем одиночестве, почти неприручаемую — соблазнение ее было вызовом его способностям. Делу ничуть не помогало то, что сам он был мрачным, высокомерным, эгоистичным. И — богом.

«Мне не нужна вторая половина, — сказала она ему. — И уж точно не нужна половина с крыльями и невыносимым характером».

И все же она не сбежала. Она твердо стояла на своем и наблюдала, как он кружит в поисках пути к ее сердцу. Они ссорились, испытывали друг друга, бросали друг другу вызов и выдвигали требования.

Она знала, чего хочет: наилучшего. Он знал, кем является: наилучшим.

Они развивали друг в друге лучшие качества, как подобает истинным влюбленным. Он открыл ее провинциальному разуму галактики неограниченных возможностей. Она напомнила ему, каково это — испытывать изумление, и добавила свежести творениям, давно потускневшим и утратившим новизну. Вместе они ткали вселенные, куда более прекрасные и креативные, чем все то, что он создавал прежде.

И все же его счастье было омрачено тем, чего он никогда не испытывал. Он любил. Он мог потерять. Она была человеком и могла прожить в лучшем случае еще пять десятков лет, а после истечения этого срока ей предстояло завянуть и умереть. Не в силах вынести мысли о ее смертности, Король создал за пределами времени роскошную клетку, где смерть не могла бы ее коснуться.

Будучи дикаркой, она ненавидела клетку, но любовь к Королю оказалась сильнее, и она согласилась жить там, пока не наступит день, когда подобное существование станет невыносимым. Они встречались в общем будуаре из света и теней, и их любовь не ведала границ.

И все же Король не мог найти покой. Он знал, что эта женщина своенравна, знал, насколько ей

нужна свобода, и хотел, чтобы ее ничто не ограничивало. Он обратился за помощью к Королеве Светлых, но та из ревности отказалась использовать свою магию, чтобы даровать бессмертие его любимой.

В тот день Король поклялся, что лично воссоздаст Песнь Творения, пусть даже для этого потребуется отдать половину вечности и все, что было для него дорого.

Клятвы, как и желания, опасны. В них важна точность формулировок.

Со временем Король начал частично понимать суть Песни, увидел ее основные структурные элементы. Фрагменты, которые он сплавил в почти готовую Песнь, те, что породили его Темных, несовершенных Невидимых, были составлены из точно подобранных частот, бесшовно смыкавшихся между собой, отчего их части становились мелодией более богатой, нежели отдельные ноты, аккорды и вибрации.

Пока он работал, зоны сменялись зонами, и в день, когда Король поспешил к возлюбленной с результатами своего последнего эксперимента, с флаконом нового эликсира для нее, — он обнаружил ее мертвой: она покончила с собой.

По крайней мере он поверил в это с подачи своего коварного врага.

— Они заменимы, все до единой, — настаивал

Фир Дорча, темный спутник королевского безумия. — Ты забудешь ее.

Но он не забыл.

— Горе пройдет, — пришепetyвала Алая Карга, одно из самых изысканно-ужасных его творений.

Но оно не прошло.

Даже гротескный Чистильщик, воображавший себя богом, собирателем сломанных могущественных вещей, которые ему нравилось чинить, некоторое время отирался поблизости, предлагая утешение или, возможно, всего лишь пытаясь выяснить, не удастся ли «собрать и починить» самого Короля.

Он, однажды почувствовав себя цельным, лишился своей половины без надежды вновь обрести ее. Для того, кто познал подобную любовь, неторопливое течение времени без нее является недожизнью и ничто не кажется настоящим.

Король вплетал их воссоединение в бесчисленные иллюзии, то погружаясь в безумие, то выныривая из него; он говорил с ней так, словно она была рядом и отвечала.

Он проживал ложь за ложью в попытках отрицать невыносимую истину: она сама покинула его, убила себя, чтобы сбежать от него.

Возлюбленная оставила ему ядовитый шип записки, отравлявший его по сей день: «Ты

превратился в чудовище. От мужчины, которого я любила, ничего не осталось».

Король до сих пор носил эту записку с собой — маленький свиток, перевязанный локоном ее волос. Несмотря на признание Крууса, он намеревался расстаться с запиской лишь в тот день, когда его возлюбленная сама скажет, что не была автором этих строк.

Король стряхнул задумчивость и посмотрел на женщину в бессознательном состоянии, которую он сжимал в своих крыльях. Прошло полмиллиона лет с тех пор, как он нашел ее в их комнате, лежащую без признаков жизни. С тех пор, как он сбросил запретную, тайную магию, которую использовал для своих экспериментов, в зачарованный том, надеясь освободиться от того, что она так ненавидела.

С тех пор, как он в последний раз держал ее в объятиях. Прикасался к ней.

Это не было иллюзией. Его возлюбленная здесь. Она реальна. Радость, это неуловимое, бесценное качество, вновь принадлежала ему.

Король вдохнул. Его возлюбленная пахла так же, как в первый день их знакомства, солнцем на обнаженной коже, лунным светом на серебряной поверхности океана и невероятными, безбрежными мечтами. Он закрыл глаза и снова их открыл.

Она не исчезла.

После вечности горя и сожалений Король обрел то единственное, чего когда-либо желал так же сильно, как желал быть богом.

Второй шанс.

Глядя на возлюбленную сейчас, он обнаружил, что ему легко простить Крууса за то, что тот похитил ее, заставил выпить из котла и стер воспоминания о времени, которое она и Король провели вместе, потому что его вторая половина наконец-то стала тем, чем он так отчаянно пытался ее сделать: Феей, бессмертной, если только ее не убьют весьма ограниченным набором способов. Эти способы он вскоре уничтожит.

Он снова стал цельным.

Король Невидимых склонил голову и коснулся губами ее губ. Легко. Благоговейно.

Он распорол свое существо и истек кровью над воспоминаниями о женщине, которая никогда больше его не поцелует. Если в космосе помимо него и было нечто божественное, то это тот момент, когда он находился с ней в одном пространстве и частота вибраций составлявшей ее субстанции сочеталась с его частотой.

В глубине его груди прозвучал раскат грома.

Ресницы его возлюбленной затрепетали. Она открыла глаза.

Король отстранился и лишь смотрел на нее, не в силах заговорить. Создатель миров, бог, дьявол,

тот, кто играл с материей галактик, был не в силах подобрать слова. Его черные крылья содрогнулись от переполнявших его эмоций. Он переместил крылья и снова успокоил.

В ее глазах, когда она подняла на него взгляд, застыло удивление: момент драгоценных, предсознательных сумерек, в котором все покрыто росой и обещаниями, в котором может расцвести что угодно.

Начала — хрупкие материи.

Было ли все так, как он надеялся? Могла ли сила истинной любви оказаться могущественнее власти Котла Забвения? Вспомнило ли Короля ее тело, несмотря на урон, нанесенный сознанию? (Память, врѣзавшаяся в серую материю, никуда не исчезла.) Какими будут первые обращенные к нему слова?

Время остановилось, и как человек задерживает порой дыхание, так и Король Невидимых задержал свою суть в безмолвии, замерев в застывшем мгновении, изучая маленькие чудеса: серебристо-белый водопад ее волос, багрянец губ, элегантность сложения.

Что это, проблеск замешательства? Двойственность, предшествующая узнаванию? Король изучил ее лицо во всех подробностях, до мельчайшего нюанса, но сейчас видел выражения, которых не узнавал. После всего, что она

пережила, — после вечностей, о которых он ничего не знал и которые могли содержать любое количество жестокостей, — при Светлом Дворе с Круусом, что привело к недавнему похищению, заточению в ледяной гробнице и едва не закончилось ее смертью от руки властолюбивого Принца, Король решил утешить свою возлюбленную, упростив себя, уменьшая свою сущность вновь и вновь, пока она не ужалась достаточно для того, чтобы сплетать слова со словами и складывать их в предложения: чуждое умение, столь необходимое для смертных существ.

— Любовь моя, ты в безопасности. Ты теперь со мной. — Он сделал паузу, чтобы подчеркнуть следующие слова, обет, который он собирался выполнять до конца времен, до того самого конца, который, по убеждению Короля, будет так или иначе его собственным деянием. — И я никогда больше тебя не отпущу.

Представляя себе радостное будущее двух бессмертных, он ждал, когда раздастся звук ее голоса, которого был лишен полмиллиона лет.

Она закричала.

Глава 1

*Легче сбежать, Заменяв эту боль
онемением.*

*Песня «Easier to Run» группы
Linkin Park¹*

Дэни

Итак, я несусь по улицам Дублина — оставив «Хамви» Риодана, чтобы у него было одной причиной меньше отправиться на мои поиски (хотя не то чтобы ему нужны причины, Риодану просто нравится портить мне жизнь), и пытаюсь расставить приоритеты в своих планах на будущее.

В верхних строчках моего списка стоит выяснение того, как спасти Кристиана от Алой Карги; распечатка так необходимого «Дэни дейли», чтобы ввести народ в курс последних событий; спасение людей, пойманных убийственным ледяным штормом, и одновременно разработка новых и действенных способов позлить владельца «Честерса».

После этого идет пара десятков подцелей, с

¹ (Здесь и далее примеч. пер., если не указано иное.)

порядковыми номерами которых у меня возникают проблемы, например: познакомиться с новым Хевеном в аббатстве; протестировать оружие Танцора против Папы Таракана; выяснить, кто собирает припасы и куда их складывает, чтобы устроить на это место налет; сделать новые нычки, которые никто не сможет отыскать; устроить большой капец Джо и Риодану.

Проблема в том, что я хочу сделать разрыв Джо и Риодана первым пунктом своего списка, а это глупо, потому как ничего, кроме личного удовольствия, мне это не принесет, а что касается личного удовольствия, я уже начинаю видеть паттерн: стоит мне вспрыгнуть на поезд мгновенного вознаграждения, как он так или иначе вместе со мной сходит с рельсов. Но черт побери, он ее не заслуживает! Они вообще играют в разных лигах, а когда я увидела, как они сегодня обжимались у костра, моя голова готова была взорваться!

Вторая проблема в том, что я постоянно врезаюсь в снежные наносы, а это выбивает меня из сверхскорости и напрочь лишает концентрации. Так что, раз уж мой вторичный список никуда не продвигается, а составить его для меня куда важнее, чем быстро попасть в какое-нибудь конкретное место, я выпадаю из стоп-кадра и начинаю пробираться по покрытым ледяной коркой заносам.

Вот гадство, я и забыла, как тут холодно!

На сверхскорости я вибрирую слишком быстро, чтобы это ощущать. А в замедленном варианте мое дыхание замерзает в воздухе, а глаза леденеют, как креветочный коктейль в морозилке.

Я морщусь, когда понимаю, где я: Темпл Бар, неподалеку от «Книг и сувениров Бэрронса».

Я редко хожу по этим кварталам. Пусть я сегодня в аббатстве и победила одного из самых худших Невидимых всех времен, но тишина и запустение там, где когда-то билось сердце буйной, полной *крайка* Темпл Бар Дистрикт, убивает мое хорошее настроение всякий раз, когда я с этим сталкиваюсь.

Я не могу забыть, какой была эта часть города раньше: народ повсюду смеется и развлекается, музыканты играют на улице, собирая мелочь, сияют фонари, тут и там — всплески разноцветного неона, и пахнет цветами, травой, и, ох, чтоб меня, потрясающими сосисками с картофельным пюре, и густым ирландским рагу, и всей той разнообразной едой, которой я уже сто лет не пробовала! Мне хватало скорости, чтобы заскочить внутрь и стащить с любой тарелки все, что я захочу. Это было самое потрясающее в мире место, где приключения поджидали за каждым углом.

А мысль о том, что до Мак всего пара кварталов и, если я влечу к ней в дверь, мы вместе

отправимся зависать и убивать всякую гадость, делала жизнь практически идеальной. «Книги и сувениры Бэрронса» были моей Меккой, Мак и Бэрронс — эпическими собратьями-крестоносцами, а город — потрясным полем боя.

И я хочу вернуть *свой* Дублин.

Хочу, чтоб этот проклятый лед исчез.

Хочу, чтобы пабы открылись, чтобы улицы сияли от газовых фонарей, отражающихся в мокрой мостовой, чтобы люди смеялись, радуясь жизни, везде, куда я ни повернусь. Я хочу носиться повсюду на велосипеде, расследовать всякие разные дела, и чтобы мне было четырнадцать, чтобы я зависала с Танцором и боготворила девчонку, которая отнеслась ко мне как к сестре.

Угу, а люди в аду хотят ледяной водички.

И вот, застыв на секунду, чтобы всем этим загрузиться, я ощущаю спиной кончик чего-то острого и тонкого.

— Брось меч, Дэни, — говорит Мак за моей спиной.

Желудок сводит, и меня немедленно начинает тошнить. Какого черта, я что, призвала ее силой мыслей? У меня проклюнулся еще один *ши*-видящий талант, о котором я не знала, который до сих пор был латентным? Надеюсь, что нет! Иначе мне никогда не избавиться от Риодана! Я постоянно на него злюсь, а значит, постоянно о нем

думаю. И стоит мне это осознать, как я понимаю, что получила железобетонное доказательство отсутствия у меня новой суперсилы, потому как, эй, будь она у меня, Риодан уже оказался бы рядом. Я решаю, что у меня галлюцинации от недостатка сна и вынужденной передозировки Джимми Хендрикса и «Блэк Саббат». Которая начиналась уже с половины трека того и другого.

Словно Мак действительно может подобраться ко мне сзади, а мой суперслух меня об этом не предупредит. Словно она вообще выйдет в ночь без своего МакОреола. На мне надет мой шлем, и я точно знаю, что он очень яркий. Если бы Мак стояла за мной, света было бы вдвое больше, чем сейчас.

— Ага, щас. Как будто я на это куплюсь. — Я хихикаю.

Во всем виновато мое гиперактивное воображение.

Острый кончик сильнее вдавливается мне в спину. Я замираю и медленно втягиваю воздух. Мне знаком запах Мак, и это действительно она. А на крышах начинается сухое чириканье, нарастая, словно звук, издаваемый тысячей хвостов гремучих змей, от чего меня тошнит еще сильнее. Мне не нужно смотреть, чтобы узнать, что там. Да, Мак действительно стоит у меня за спиной, и она же притащила на буксире странный антураж. Те

несколько раз, когда я встречала ее в последнее время, за ней таскалась стая Невидимых ЖЗЛ — Жрущих Зомби Личей, как я окрестила тощую касту в темных плащах, скользящую по воздуху и предпочитающую гнеститься на крыше книжного магазина. Они следовали за ней, как огромные черные вороны в ожидании сочного трупа, который можно будет расклевать.

Нет уж, это точно будет не мой труп.

Я вытаскиваю протеиновый батончик, срываю обертку и засовываю лакомство в рот, чтобы немедленно ощутить прилив энергии. Я никогда не бегу от битвы: поджать хвост и свалить не в моем характере. Проблема в том, что я знаю только два способа драться: убивать чисто или убивать грязно, — оба включают в себя убийство, если только я не дерусь с гадским Риоданом, который может выдернуть меня из сверхскорости и надрать мне зад.

Ни за что на свете я не убью Мак. Поэтому выбираю Дверь Номер Два, которой никогда не пользовалась, и бегу. Только ради нее.

Я поспешно черчу в голове план улицы и набрасываю сетку координат, насколько это возможно с учетом снега и льда. Прищуриваю глаза, максимально сосредоточившись, и делаю стоп-кадр. Ничего не происходит. Мои ноги словно примерзли к месту, и я до сих пор ощущаю спиной

кончик копья Мак.

Мои суперсилы *в третий раз* испарились в самый неподходящий момент. Ну о-фи-геть! Что за совпадения? Какого черта это повторяется?

— Я сказала, брось свой меч.

Я шумно выдыхаю. Не потому что мне себя жалко. Жалость к себе — бесполезная эмоция. Она всего лишь продолжает во времени травму, заставляет ее существовать в вашей голове. Чуваки, вы это уже пережили. Двигайтесь дальше.

Но есть такие вещи, которые мне хотелось бы изменить, к примеру, чтобы Ро не забирала меня в аббатство после смерти мамы, не сделала меня своим личным ассасином, не научила меня убивать прежде, чем я сама разобралась, что считаю правильным и неправильным, потому что когда ты *реально* выясняешь свои «правильно» и «неправильно», они могут оказаться полной противоположностью тому, что ты делал, — и тогда в голове образуются те еще минные поля. Винá, сожаления — понятия настолько чуждые мне, что я даже не знаю, как они пишутся, — я почти тону в них всякий раз, когда смотрю на Мак.

К счастью, она сейчас стоит у меня за спиной, и мне не приходится думать о том, как она похожа на свою сестру, меня не лупят изнутри воспоминания о ночи, когда я последний раз видела Алину: она стояла на четвереньках в переулке и

умоляла меня не дать ей умереть.

— Мелкая, серьезно, бросай. Я не стану больше повторять.

— Я тебе не мелкая. *Чувиха*.

— *Даниэлла*.

Черт! Она же знает, как я ненавижу это имя! Я испытываю свою способность делать стоп-кадр. Она все еще отсутствует. И невозможно предугадать, сколько времени пройдет, прежде чем она вернется. Пять секунд. Пять минут. Возможно, пять часов. Я понятия не имею, отчего так происходит, и это начинает всерьез меня загружать. Я оборачиваюсь к Мак лицом, откинув полу плаща, держа руку на рукояти своего меча, напрягаюсь, чтобы не вздрогнуть всем телом, и все равно дергаюсь.

Она не похожа на Мак, которую я встретила год назад. Гламурная девушка превратилась в грациозную воительницу. Когда Мак приехала в Дублин, она была красоткой; сейчас она стройная, сильная, прекрасная. Однажды Мак сказала, что я симпатичная и когда-нибудь *вырасту* в такую же красавицу, как она. Можно подумать, мне не наплевать на подобные вещи!

Но о чем думала Мак, угрожая мне копьем и отдавая приказания? Она же не может знать, что я застряла на медленном ходу. Никто не знает, что со мной это случается. Черт, не хватало еще, чтобы

узнали!

Мак смотрит на меня, ее зеленые глаза сузились от ярости. И она имеет право меня убить. Будь на моем месте кто-нибудь получше, он мог бы ей немного помочь, из-за вины и угрызений совести. Но я не такая. Я каждый день просыпаюсь с единственной целью: жить. Любой ценой. Смерть сможет наложить на меня свои костлявые лапы, лишь переступив через мой труп.

Я размышляю о том, есть ли у Мак новые умения *ши*-видящей, о которых я не знаю и которые позволяют ей нападать на меня вот так, холодно и уверенно. Моя суперскорость гарантирует победу в битве против другой *ши*-видящей, если только я не ошибусь, а я не ошибаюсь. А еще на Мак нет МакОреола, и это просто не укладывается у меня в голове. Никто не ходит по Дублину в темноте. Даже я. Но, может, ЖЗЛ на крышах стали частной армией Мак, защищающей ее от Теней и прочей разнообразной дряни?

Я хмурюсь, когда меня посещает другая мысль. Мак решила потребовать у меня «око за око» во всех грязных деталях?

Темная улица поблизости — имеется. Я — имеюсь.

Голодные Невидимые — имеются.

В моей голове мелькает сценка: я умираю так же, как Алина. Эта картинка буквально горит в

глазах у Мак.

Я хочу сказать ей, что месть — это дьявол, которому лучше не поклоняться. Уничтожая своего врага, ты сам становишься им.

«Ты отведешь эту девку на улицу с южной стороны от реки Лиффи. Невидимые встретят тебя там». Голос Ро все еще порой звучит у меня в голове, несмотря на то, что мы сожгли ее тело и сбросили пепел в море. Это не призрак, просто тень воспоминаний, все еще плавающая в глубине подсознания, где я держу бóльшую часть того, что делала для Ро, когда жила в аббатстве.

Зачем? Я хочу задать Мак вопрос, но она касается моего лба чем-то мокрым и плохо пахнущим и бормочет слова, которых я не понимаю, а потом я не могу говорить.

«Я знаю, что ты там. — Голос Ро доносится до меня словно издалека. — Помни ад, который тебе пришлось вытерпеть. Именно ты мне нужна».

Я не понимаю, о чем она говорит. Я же здесь. Смотрю на нее. Пусть даже мне кажется, что между нами миллион миль.

«О, дитя, — говорит она, — я и сама не смогла бы вырастить тебя лучше, расколов на полезные части. Когда я нашла тебя пятилетнюю, я знала, что Господь закалил для меня заготовку особого оружия. Именно для меня».

Старая мымра даже в датах путается. Мне

было восемь, когда она нашла меня в той клетке полумертвой. Это был единственный раз в моей жизни, когда я хотела умереть. Считала количество вдохов. Размышляла о том, какой из них станет последним. И была целая неделя, которую я вообще не могла вспомнить, она просто выпала. С того дня как Ро забрала меня в аббатство, я начала путаться во времени, а потом оказывалась в незнакомом месте, не зная, как я в нем очутилась. Как правило, я еще и смотрела на то, что мне не хотелось видеть. А еще случалось, что я видела происходящее, но ничего не могла сделать, застревала рядом, словно в коляске мотоцикла, сидя в которой не могла ни рулить, ни прибавить газу. Тормозов в таких странных случаях просто не было. Я всегда лишь болталась рядом, приклеенная к сиденью. Как в ту ночь, когда убила сестру Мак. Это стало вторым из самых худших поступков, которые я когда-либо совершала, и я заново переживаю его в кошмарах до последней детали. Иногда я думаю, что это старая сумасшедшая мымра каким-то образом выбирала, показать мне то, что она заставила меня сделать, или закрыть это от моего сознания.

Но задерживаясь на этой мысли, я чувствую, что схожу с ума. Ненависть съедает того, кто ненавидит. Ро при жизни достаточно мне нагадила. Теперь она мертва, и если я позволю ей гадить мне и дальше, виновата буду только я, а она выйдет

победительницей. Но даже из своей водяной могилы она умудрялась похищать часы, дни, недели моей жизни. Иногда, когда случается что-то особенно плохое, ты кладешь эту штуку в ящик и никогда больше его не открываешь, потому что она может стоить тебе остатка твоей жизни. Некоторые раны не заживают. Ты вырезаешь пораженную плоть и изменяешься.

— Брось меч, и я опущу копье, — говорит Мак.

— Ага, щас. А потом что? Прикажешь своей стремной армии Невидимых оттащить меня в переулок и сожрать? Нет, дай угадаю. Мы пойдем в «КСБ», заварим горячий шоколад, будем зависать и разговаривать?

— В общем и целом да. За вычетом магазина и горячего шоколада. И это не моя стремная армия.

— И о чем мы будем, типа, говорить? О том, что я убила твою сестру? Как по мне, это реально твоя стремная армия. Они повсюду за тобой таскаются.

Черт, так здорово снова увидеть Мак. Я по ней скучала. Сканировала каждое помещение, каждую улицу, надеясь ее обнаружить. И боясь, что обнаружу.

Мак вздрагивает:

— Может, ты попытаешься сформулировать это иначе? И они не моя армия.

— А зачем иначе? Все так и было, — с вызовом бросаю я. Это бесполезно: Мак никогда не сможет взглянуть на это иначе. Мои пальцы сжимаются на мече. — Я убила твою сестру. Вот так. Это факт, чувиха. Это не изменится. Я. Убила. Алину. Ты приехала в Дублин охотиться за ее убийцей. Так вот она я. — Я вскидываю руку и машу ею, на случай, если до Мак не дошло, если она почему-то меня не видит.

— Дэни, я знаю, что ты...

— Ты *ничего* обо мне не знаешь! — перебиваю я ее быстро и резко.

Я ненавижу фразы, которые начинаются с моего имени и продолжаются заявлениями — совершенно ошибочными — о том, что говорящий что-то обо мне знает. Эти фразы стоят в одном ряду с такими, как «Знаешь, в чем твоя проблема?». Ага, класс. Вот что такое «вопрос с подвохом». Следом за ним никогда еще не прозвучали слова, которые стоило бы послушать.

Я рычу:

— Ты меня слышишь?! Я сказала, что ты *ничего* не знаешь! А теперь убирайся с моей дороги и прихвати с собой свой фан-клуб!

— Нет. Это закончится. Здесь. Сегодня. И я уже сказала. Они. Не. Мои. — Мак искоса смотрит вверх и бормочет: — Эти Невидимые меня преследуют. Я пока не выяснила, как от них

избавиться. Пока.

Мне тут же хочется очутиться в команде расследований дублинского новостного канала X, задавать наводящие вопросы, погрузиться вместе с Мак в разгадывание потрясающей тайны, но те дни давно прошли, и шансы на их возвращение не выше, чем на то, что динозавры выжили. Я смотрю на Мак, и она отвечает мне совершенно фальшивым «я-не-собираюсь-тебя-убивать» взглядом, который должен подманить меня на расстояние смертельного удара. Но ее пальцы надежно сжимают рукоять копья. И она, как и я, легонько балансирует на пятках. Я знаю эту стойку: она предваряет атаку. Лицо говорит одно. Тело говорит другое. Я слушаю тело. Поэтому до сих пор жива.

На Мак сапоги на низких каблуках, модные, но совершенно не пригодные для того, чтобы ходить по льду. Сколько ни обновляй и не улучшай МакКайлу Лейн, часть ее все равно останется девчонкой, обожающей розовое, как ногти на ее руке, сжимающей копьё.

И как мои кроссовки.

И даже в замедленном виде я бегаю быстрее, чем она сможет в этих своих сапожках. Мак ни за что не бросит в меня свое копьё. И ни за что не опустит его в качестве жеста доброй воли. Она обращается с копьём так же, как я со своим мечом: мы не выпускаем оружие из рук. По собственной

воле. Нет, ну я делала это ради горца, бóльшая часть которого стала Принцем Невидимых, но понятия не имею почему. Тут же единственной неизвестной переменной выступают жуткие Невидимые на крышах — явились ли они сюда, чтобы меня убить, или нет?

Есть только один способ это выяснить.

Я пытаюсь сделать стоп-кадр, но мотор даже не кашляет — мой аккумулятор мертвее мертвого. Словно больше нет машины, одни кабели, ведущие в никуда.

Я прыгаю на Мак и выбиваю ее из равновесия.

Она пытается удержать меня, но я подныриваю под ее руку и проскакиваю мимо. А когда Мак сзади хватает меня за плащ, оборачиваюсь и кусаю ее за руку. Не взмахиваю мечом, не бью. Впиваюсь в нее зубами. Как ребенок, у которого нет другого оружия.

— Ой! Ты меня укусила!

— Ух ты. Изумительная наблюдательность, Мак, — раздраженно говорю я.

Что я собираюсь сделать дальше — вцепиться ей в волосы? Тогда она может отвесить мне пощечину, сломав при этом ноготь, и мы с ней дружно начнем друг друга обзывать.

Одного только унижения из-за столь девчачьего поведения достаточно, чтобы заставить меня вытащить меч и убить Мак. Я просто не

понимаю, как нормальные люди такое выдерживают. Призрачные ЖЗЛ над нами чирикают громче, но с места не двигаются.

— Отцепись от меня, дура! — шиплю я.

И пытаюсь вырваться, но Мак оказывается сильнее, чем я думала.

В тот миг, когда я освобождаю плащ из ее хватки, Мак цепляется за мои волосы и тянет к себе.

— Ой! Ты дернула меня за волосы! — И это *больно*. Я предпочитаю сражаться на мечях, копьях, на огнестрельном оружии, на чем угодно, только не это.

— Ух ты. Изумительная...

— Заткнись! Придумай собственные оскорбления, если тебе хватит на это твоих...

— Наблюдательная Дэни. И я *не дергала* тебя за волосы. Я просто хочу тебя удержать. А ты пытаешься вырваться. Это *ты* дергаешь себя за волосы.

— ...маленьких глупых мозгов! И конечно, я пытаюсь вырваться, дура ты такая! И отпусти мои волосы! — Я цепляюсь за ту же прядь, и некоторое время мы ее перетягиваем, а потом Мак отпускает мои волосы так резко, что я падаю вперед на четвереньки.

Я сразу вскакиваю, но тут же снова ныряю и быстро перекатываюсь — дважды, трижды, когда

слышу свист ее копья за своей спиной. ЖЗЛ срываются с крыш, с шелестом и криками, как стая перепуганных грифов. Видимо, рассекающее воздух копьё пугает и их.

На одну глупую, уязвимую секунду я приседаю у самой земли и не двигаюсь, пытаюсь осознать случившееся: Мак *действительно* только что атаковала меня копьем, сделав очевидную попытку меня убить, то есть убрать с этой планеты, то есть покончить со мной *навсегда*. Похоже, я втайне даже от самой себя цеплялась за хрупкую надежду на прощение. Воздух за моей спиной словно становится холоднее от убийственной ярости, которая нависла надо мной. Если вы думаете, что эмоции не выделяют энергию, вы ошибаетесь.

Я вскакиваю на ноги, растирая щеки кулаками. Наверное, иней попал мне в глаза, когда я перекатывалась, и вызвал это жжение и слезы.

Я срываюсь на бег.

Мой рюкзак камнем падает с плеч. У, черт, Мак упустила *меня*, но, когда я уклонилась, поймала лямки моего рюкзака, а в нем вся моя еда! Я не знаю ни единого магазина в радиусе пятидесяти миль, где можно было бы найти продукты на полках. Моя сверхскорость вернется, а когда она вернется, мне срочно нужно будет подкрепиться. Я скольжу по льду, останавливаясь,

и поворачиваюсь, чтобы забрать рюкзак.

Мак стоит, поставив на него одну ногу и подняв сияющее копье. Его края острые, как у бритвы. Мне кажется, что я вижу свое имя, которое на нем написано.

Посыл понятен.

— Ты не справишься без еды, Дэни. Прекрати от меня убегать. Я хочу всего лишь поговорить с тобой.

— Ты меня не обманешь! — Ненавижу Мак за то, что она продолжает притворяться. Вот с любовой атакой я бы справилась. А это уклончивое дерьмо — просто низость.

— Я и не пытаюсь.

Еще как пытается. Она только что пыталась отрубить мне голову, вот зараза!

— Ну так что? Я должна поверить, будто ты отыскала меня, чтобы, типа, простить? По-твоему, я такая дура?

Глаза Мак наполняются тенями, и теперь она выглядит печальной.

— Жизнь — сложная штука, Дэни.

— Что это должно означать?

От злости и раздражения я готова выпрыгнуть из собственной кожи, словно виноградина во время отжима. Ненавижу, когда люди бросаются обобщениями, которые ты не в силах интерпретировать. Жизнь — сложная штука,

поэтому я убью тебя быстро? Жизнь — сложная штука, поэтому я запытаю тебя до смерти, медленно, и все это время буду говорить, чтобы в процессе еще и свести тебя с ума? Жизнь — сложная штука, следовательно, я могу простить тебя, если ты во искупление вины совершишь Геракловы подвиги? Вариации бесконечны. Разве кто-то не знает, что жизнь — сложная штука? Меня интересует только то, как соотносить это с винтиками и болтиками моего существования. А ничего подобного люди *никогда* тебе не рассказывают.

— Иногда то, что мы считаем путем к свободе... становится нашими цепями, — произносит Мак. — Ты либо носишь их, либо ломаешь, и я... я не хочу их носить.

— Чувиха, нет никаких цепей. Я не вижу тут ничего, кроме тебя, себя, оружия и смерти, в случае если ты не отвалишь от моего рюкзака и не уйдешь. К тому же, даже если ты скажешь, что прощаешь меня, я ни за что тебе не поверю! Я всегда буду ждать момента, когда ты наконец решишься меня убить. Ты хочешь меня убить. Признайся. Просто скажи это вслух. Будь честной, чтоб тебя! Ты знаешь, что хочешь моей смерти! Я вижу это по твоим глазам!

Несколько секунд Мак ничего не отвечает, словно всерьез задумалась над выбором фраз,

которые собирается произнести, и, пока она не начинает говорить, я не замечаю, что затаила дыхание в ожидании слов, от которых воздух едва не взрывается в моих легких.

— Я не хочу твоей смерти, Дэни. Именно поэтому я тебя и искала.

— И почему же нет? — ору я. — Я заслуживаю смерти!

Моя рука взлетает ко рту, словно я могу поймать вырвавшиеся слова и каким-то образом затолкать их обратно. Я в ужасе. Мне даже неизвестно, откуда они вообще взялись. В моей библии не так уж много грехов. И величайший из них — опустить руки. Я только что нарушила главное свое правило. Жизнь — это дар. Ты борешься, чтобы его сохранить. И никогда не перестаешь бороться. Никогда.

Ты никому не нужна. Твоя родная мать запирает тебя в клетке, оставляет и забывает о тебе. Просто умри. Это избавит от страданий всех, включая тебя. Возможно, тогда Мак сможет жить. Той жизнью, которой должна была жить ты.

Поверить не могу, что ляпнула, будто заслуживаю смерти. Наверное, я одержимая. Наверное, я подцепила одного из вредных полупрозрачных Невидимых Захватчиков, но гадить мне он может лишь время от времени

(потому что я очень крута и он не может контролировать меня постоянно!), заставляя говорить то, чего я на самом деле не чувствую, и лишая меня сил.

И, возможно, у этого же Захватчика есть какая-то странная одержимость Риоданом. Удивительные дела творятся в последнее время в Дублине.

Мак качает головой, устремив на меня полный фальшивого сочувствия взгляд.

— О Дэни...

— Я на это не поведусь, поэтому заткнись! Оставь меня в покое, иначе я убью тебя, как убила твою сестру. Клянусь, убью. Я убью тебя и потом — всех, кто для тебя важен. Потому что именно это я и делаю — убиваю людей. Убиваю, убиваю и убиваю. Это моя суть. Такой она меня сделала.

Раньше я воображала, что это Бэрронс нашел меня в клетке в тот день, он, а не Ро, и представляла, какой я могла бы стать. Но меня нашел не он. Меня нашла она. Вот и все.

Я бегу.

Мак следует за мной, двигаясь быстрее, чем я ожидала. Я думаю о том, не сделал ли с ней что-нибудь Бэрронс, той самой шгуки, которую Риодан, по его словам, мог сотворить со мной. Вдруг Мак теперь неубиваемая, как и они? И именно этим объясняется ее уверенность в себе.

Если да, то я всерьез из-за этого злюсь и еще больше завидую.

Перепрыгивая через сугробы, я бегу по улицам, петляю, уводя Мак в погоню по Темпл Бар, но она все равно висит у меня на хвосте. Я продолжаю через каждые несколько секунд проверять свою способность делать стоп-кадр, но мои суперсилы отправились туда же, куда много лет назад удалилась моя совесть.

Мак что-то кричит, но я ее игнорирую. Я мурлычу свой любимый плейлист, чтобы не слышать ее слов и гомона ее стремной армии.

А еще я не понимаю, что ноги несут меня к «Книгам и сувенирам Бэрронса», пока магазин не вырастает передо мной — единственное святое для меня место: янтарный свет и полированное дерево, окна с разноцветными стеклами и бесконечные возможности. В глубине белокаменной арки — роскошные колонны, бра, латунные канделябры; витражи обрамляют дверь, в которую я раньше влетала на скорости миллион миль в минуту, а над ней, на сверкающем латунном шесте, висит та самая цветастая, вручную раскрашенная вывеска, которая когда-то говорила мне: «Добро пожаловать домой». Но больше никогда не скажет.

Это мое самое любимое место в мире. Газовые каминны и большие удобные диваны, на которых можно вытянуться в полный рост, а еще журналы и

книги — их можно читать и мечтать о тех уголках мира, которые однажды увидишь; жутко потрясное антикварное оружие и обалденное новейшее, и убойные машины, и торты, и подарки, и друзья, которые у тебя были... Часы, которые я там провела, хранятся на складах моей памяти в суперкачественном техниколоре, они ярче других воспоминаний. Иногда я достаю одно из этих воспоминаний и неторопливо переживаю его заново, наслаждаясь всем до последней капли. Я люблю Мак. Я так по ней скучаю. Я так хочу...

Но желания не кони, на них далеко не уедешь. Да и плевать. У меня есть ноги, которые не хуже супергеройских.

Звенит дверной колокольчик. Выходит мужчина.

Сильный. Красивый. Собранный. Хищник.

Неуязвимый. Вот надо же ему быть такой неуязвимой заразой!

Он все, чем я восхищаюсь, плюс то, чему я пока еще не могу подобрать определения.

Я втрескалась в Иерихона Бэрронса по самые уши.

Мой мозг отключается всякий раз, как я его вижу, а у меня достаточно серого вещества, и вырубить его не так уж просто.

Раньше, бывало, если я не могла заснуть, я представляла себе разнообразные способы,

которыми смогу впечатлить Бэрронса: убивая монстров, или произнося нечто действительно умное, или спасая мир, отчего он увидит во мне взрослую женщину и я засвечусь от одного только выражения его лица, как в тот раз, когда убила Принца Невидимых в камере Мак и Бэрронс взглянул на меня так, словно действительно меня заметил. Большинство взрослых меня не замечают. Они ограничивают меня глупыми подростковыми правилами, которые ни от чего не удерживают, учитывая то, как я росла. *Можешь убивать, но не ругайся. Нарушай все возможные правила, чтобы спасти мир, но не смотри порно и даже не думай заняться сексом.* Интересно, как они доходят до таких установок — устраивают родительские собрания с мозговым штурмом по поводу диаметрально противоположной этики? А потом в моих фантазиях о Бэрронсе начал появляться Риодан, словно у него было какое-то дело, и выглядел он... ну... как Риодан. Он смеялся и издавал хриплый стон, который я слышала на четвертом уровне, так что я прекратила свои маленькие упражнения в полусне.

Теперь я считаю овец.

Но в последнее время даже эти засранки выглядят как Риодан, с чистыми холодными глазами и странным взглядом, который отчего-то оказывает на меня гипнотическое действие.

Говнюк.

Я начинаю думать о том, что мне все же придется найти способ убить Риодана, чтобы наконец выбросить его из головы.

— Дэни.

Я вздрагиваю. Бэрронс странно влияет на людей, словно излучает какое-то поле, перенасыщающее энергией пространство вокруг него. У всех его приближенных есть такой эффект, но только у Иерихона Бэрронса его выше крыши. Ну а я изображаю реальную крутость. Сую руку в карман, большой палец наружу. Выгибаю бедро.

— Бэрронс.

Было время, когда я планировала вырасти и подарить свою невинность ему. Или В'лейну. А для меня это важная тема — избавление от невинности. Потому что она — одна из того немногого, что у меня осталось и чем я могу распоряжаться по собственному выбору: с кем, как и когда. И это будет Эпично с большой буквы «Э»!

Но Светлый Принц В'лейн оказался Темным Принцем Круусом. А Бэрронс принадлежит Мак (насколько вообще ему подобные могут кому-то принадлежать), это факт, который никогда не изменится, да я и не хочу его менять.

На колонне за головой Бэрронса трепещет листок бумаги. У меня возникает плохое предчувствие, и я всматриваюсь в текст.

— Черт! Вы что, *издеваетесь*?

Каким таким образом они успели напечатать что-то подобное? Даже на суперскорости я не могла бы так быстро управиться с листовками! А эта — вот она, трепещет на ветру. Эта листовка словно здоровенная пощечина моему самолюбию.

ДУБЛИН ДЕЙЛИ

26 июня, 1 ППС

ВАШ *ЕДИНСТВЕННЫЙ* ИСТОЧНИК
ДОСТОВЕРНЫХ НОВОСТЕЙ
ИЗ НОВОГО ДУБЛИНА И ЕГО ОКРАИН
ИЗДАЕТСЯ НЕРАВНОДУШНЫМИ

Добрые жители нового Дублина, ледяной монстр, который замораживал наш город, мертв! НеРавнодушные были на месте действия и сражались в смертельной битве! НеРавнодушные всегда вас хранят

В ОТЛИЧИЕ ОТ...

Я не могу больше читать: мне известно, что они меня оскорбили. Но мои предательские глаза не удерживаются от соблазна заглянуть дальше и, естественно, видят дрянь!

...одного наглого подростка, который

ПОДВЕРГ нашу миссию РИСКУ и лично ответственен за то, что много хороших людей ПОГИБЛО или ЗАХВАЧЕНО В ПЛЕН.

— Ну черт! Кто *пишет* эту чепуху?

Сегодня я была героем! Я, елки-палки, спасла этот гадский день благодаря собственной выигрышной комбинации мозгов и умений. А эти ко всему прочему еще и написали о себе более крупным шрифтом, а обо мне — более мелким! Знаю я эти маркетинговые фокусы. Вот вам и влияние прессы! Я чувствую, как горит, краснея, мое лицо. Меня это бесит до разрыва гонады, если у меня она вообще имеется. Зато у Неровно-душных гонады наверняка есть, и их можно вырвать через задницу!

— Останови ее! — кричит Мак.

У меня нет шансов победить их обоих. Черт возьми, да у меня нет ни единого шанса победить одного Бэрронса. Он как Риодан. Я и в лучшие дни не могу с ним справиться.

Пока.

Я сжимаю руки в кулаки и часто дышу, чтобы очистить голову от этого дерьма — намнепофигномысовершенноточноизачтоне скаже мправду. Мне требуется пара секунд, чтобы проанализировать варианты и вычислить, как мне из этого выбраться. Ответ так прост, что у меня дух

захватывает. Я на клеточном уровне запрограммирована на выживание. Мое подсознание выносит меня именно туда, куда нужно.

Я ныряю мимо Бэрронса и застаю его врасплох — точнее, он просто по какой-то загадочной причине решает меня не преследовать, потому что ни за что на свете мне не перегнуть Бэрронса даже с помощью стоп-кадра, — а потом просто не могу сдержаться: сдаю назад, срываю проклятый листок с колонны и комкаю его: не могу позволить этой шгуке там висеть. А затем оказываюсь с тыльной стороны магазина, торопясь к первому дому слева от Темной Зоны.

В последний раз я была здесь в ту ночь, когда мы с Кристианом искали библиотеку Короля Невидимых, в ночь, когда слова Книг сползали со страниц и жалили меня, как огненные муравьи, и я нечаянно выпустила на свободу Алуию Каргу.

Кристиан. Карга. Черт, мне нужно столько убрать за собой!

Когда Кристиан толкнул меня в скрытый в стене портал, там оказался тайный проход к древним Зеркалам, которыми Феи раньше пользовались для путешествия между мирами, и я надежно впечатала ничем не примечательный участок кладки в свою память. Все возможное оружие и пути отхода — там. Отлично. Риодан с

его дурацким договором не сможет выследить меня в фейской реальности. Я тогда решила, что, если в городе мне когда-нибудь станет слишком жарко, я смогу нырнуть туда на некоторое время.

Похоже, сейчас как раз такой случай.

— Дэни, не надо! — кричит Мак.

Я прыгаю в кирпичи. Они кажутся мне странными, похожими на губку, а потом и я становлюсь такой же и оказываюсь в огромной комнате без окон и дверей, с белыми стенами, белым полом и десятью огромными Зеркалами разных форм и размеров, висящими прямо в воздухе. Висят они без всякой видимой поддержки, некоторые неподвижно, некоторые — лениво вращаясь. Ничего удивительного: фейские штуки, живые или нет, редко подмигивают и вообще никогда не кивают, здороваясь с человеческой физикой. Вот почему Танцор так ими восхищается. Некоторые Зеркала заключены в покрытые искусной резьбой рамы, у некоторых края сплавлены с цепью. Некоторые Зеркала в рамах кажутся темными, как ночь, некоторые — молочно-белые, а некоторые забиты тенями, к которым очень не хочется присматриваться.

Хорошо, что я знаю, в какое Зеркало мне нужно попасть — второе справа выплюнет меня в бесконечный и офигительный Белый Особняк. Мне давно не терпелось его изучить. Если Мак и

Бэрронс последуют за мной, я оторвусь от них в коридорах лабиринта и стряхну их с хвоста или найду другой способ их отвлечь, потому что Первым Правилom в справочнике Дэни О'Мелли всегда было и будет: вначале выживание, потом подсчет убитков. Что вполне логично. Мертвые ущербa не контролируют.

Если Мак и Бэрронс не последуют за мной внутрь, мне придется просто подождать, когда восстановятся мои суперсилы, и вернуться, потому что в Дублине пройдет всего несколько дней или несколько недель. Когда в прошлый раз мы с Кристианом прошли через Зеркало, мы потеряли почти месяц! Время в фейской реальности течет по-другому. Так что Бэрронс и Мак уж точно не будут сидеть в Белой Комнате 24/7 и поджидать меня. Терпеть не могу терять дублинское время, которое можно было бы использовать для того, чтобы помочь моему городу, но я не смогу помочь моему городу, если не смогу выжить.

Мак вылетает из стены за моей спиной, будто ею выстрелили из пушки, врезается в меня и едва не вталкивает в другое Зеркало, и я могу думать только о том, какая бы это была катастрофа. Я понятия не имею, куда ведут другие Зеркала. Там может быть мир без воздуха, или прямая дорожка в тюрьму Невидимых, или галактика, населенная Охотниками, или Тенями, или Серыми

Женщинами! Я особенно ненавижу эту серую касту Невидимых. Одна из ее представительниц чуть не убила меня и заставила Мак дать обещание, которого она не должна была давать.

Я сталкиваю Мак с себя, и она неловко пятится, едва не врезаясь в Бэрронса, который появляется из стены со своей обычной грацией хищного животного.

Иерихон Бэрронс — несокрушимая константа. Он краеугольный камень моей вселенной. Хотя, наверное, они с Мак оба такие камни. Не знаю. Знаю только, что пока они двое живы и «КСБ» стоит на месте, какая-то часть меня, которая всегда болела, перестает болеть.

Ничего не могу с собой поделаться: я смотрю на них целую секунду. Я люблю наблюдать за ними, когда они вместе. И замедляю восприятие, чтобы впитать каждую деталь.

Мак выпрямляется, чтобы не врезаться в Бэрронса, и ее светлые волосы, взметнувшись над плечом, скользят по его лицу, а слух у меня настолько хорош, что я улавливаю резкий звук, с которым они задевают легкую щетину на его подбородке. Рука Бэрронса мимолетно касается груди Мак; он прищуривается, когда смотрит на то, чего коснулся, смотрит голодным взглядом (которым я хотела бы, чтобы мужчины когда-нибудь начали смотреть на меня), и пока они

расходятся от почти-столкновения, их тела движутся в грациозном танце безупречного знания того, куда движется другой, и это постоянное единство, симбиоз, партнерство, о котором я могу только мечтать; это волки, которые решили стать стаей и охотиться вместе; это солдаты, которые всегда любой ценой прикроют друг друга. И нет никаких грехов, нет никаких преград, а ведь нам постоянно что-то мешает, и это просто убивает меня, потому что стоило мне попробовать, что это такое, и я поняла, что это рай. И вот они стоят передо мной, прекрасные, лучшие из лучших, самые сильные, почти сияющие, пылающие огнем того, что я когда-либо хотела заполучить, — осознанием своего места в мире и того, с кем это место можно разделить.

Они собираются убить меня и жить себе дальше, счастливо, словно я ничего никогда для них не значила. Они будут есть, заниматься сексом и отправляться навстречу приключениям, а я буду гнить под землей — это если хоть кто-то удосужится меня похоронить. Меня не будет. Вообще. Все. Финита. Капец. Прежде чем у меня появится шанс жить по-человечески!

Не знаю, была ли я когда-то счаст...

Я уничтожаю этот идиотский поезд мыслей. Как только вернутся мои *ши*-видящие способности, я справлюсь со своим дурацким сопливым

эмоциональным срывом. Потеря суперсил, которые делают меня особенной, плюс встреча с Мак так близко впервые с тех пор, как она узнала, что я натворила, — вот что временно нагадило мне в голову. Ключевое слово «временно».

Фигово быть четырнадцатилетней. Гормоны — говнюки.

Жаль, что я не могу быстро вырасти, чтобы все выровнялось и заработало как надо, и чтобы народ перестал видеть во мне ребенка, и чтобы я смогла наконец...

Да что за фигня! Чего я жду?

Я смыкаю пальцы на рукояти меча и, рассмеявшись, ныряю в Зеркало головой вперед. Мне всегда смешно, когда я прыгаю в неизведанное. Это же движок из сахарной ваты, огромный шатер, полный карнавального волшебства и хорошего, искреннего смеха.

Ну что, новые потрясные приключения? Я иду!

Последнее, что я слышу, это крик Мак:

— Боже, Дэни, *не туда!* Мы их переставили!
Это Зеркало ведет в...

Глава 2

*Там, где было мое сострадание,
Теперь только дыры от пуль...*

*Песня «My Violent Heart» группы
Nine Inch Nails.*

Мак

— Холл Всех Дней!

Это если и не бесконечный, то уж точно невообразимо огромный древний «аэропорт» Фей, служащий связующим звеном для такого количества Зеркал, что их бесполезно считать.

Золотой от пола до потолка, невероятно длинный коридор уставлен миллиардами Зеркал, являющихся порталами в другие миры и времена, и излучает жуткое искажение времени и пространства, от которого начинаешь чувствовать себя совершенно ничтожным — как пылинка в амбаре размером с галактику.

Время в Холле нелинейно, оно эластичное, скользкое, и можно навсегда потеряться в воспоминаниях о том, чего никогда не было, или в мечтах о будущем, которого никогда не будет.

В первую секунду ты чувствуешь себя ужасно одиноким, в следующую оказываешься в

бесконечной цепочке бумажных копий самого себя, которые растягиваются в разные стороны, держась за вырезанные из картона руки и стоя тысячами ног в тысячах разных миров, — и все это одновременно.

Вдобавок ко многим опасностям Холла, когда Зеркала были повреждены проклятием Крууса (в чем он пытался обвинить своих собратьев-Невидимых, что было совершенно в его стиле), образ, который они показывали, вовсе не обязательно являлся отражением места, в которое они вели. Пышная сельва могла быть порталом в выжженную, растрескавшуюся пустыню, тропический оазис — в мир, скованный льдом, но рассчитывать на полные противоположности тоже не приходилось. Чего не было в этих изъеденных временем стенах, так это столика в фойе, на котором, рядом с холодными напитками и закусками, появился бы «Путеводитель для того, кто путешествует автостопом по галактике».

Бэрронс шагает между Зеркалом и мной, скрестив руки на груди и широко расставляя ноги. Он возвышается темной горой, которую я не могу ни сдвинуть, ни обойти. Я встречаюсь с его безжалостным взглядом, и мы ведем один из наших безмолвных разговоров.

Но мы должны ...

Нет, не должны.

Но мы не можем ...

Можем.

Но она не ...

Она справится.

Но это ...

Не ваша вина и не ваша проблема.

Но я же ...

Черт подери, мисс Лейн, сколько еще «но» вы собираетесь произнести, вместо того, чтобы дать мне то, чего я хочу?

Он проводит голодным взглядом по моим ягодицам, и я вздрагиваю.

После всего, что мы пережили вместе с Бэрронсом, он все еще называет меня «мисс Лейн». Единственное исключение — когда я с ним в постели. Или на полу, или в любом другом месте, где я временно теряю рассудок и начинаю верить, что не смогу дышать, пока он не войдет в меня.

— Иногда я не понимаю, зачем вообще с тобой разговариваю.

Он едва заметно вскидывает бровь в молчаливом «это абсолютно взаимно».

Бэрронс считает слова бесполезными и даже опасными. Если я играю по его правилам, мы редко говорим, взглядами или иным способом. Забавно, но чем больше времени я провожу с Бэрронсом, тем лучше понимаю, отчего он так думает.

— Но она в *Холле*. Это ужасное место. Я была

там. Люди оттуда не выбираются.

Во время моего короткого визита в те древние коридоры гладкий, соблазнительный пол там был усеян скелетами. К их числу едва не присоединился мой. В этих вызывающих галлюцинации коридорах можно было оказаться в любой реальности по собственному выбору и умереть на полу в полной уверенности, что живешь настоящей счастливой жизнью в настоящем мире. Это место буквально затрачивает мозг до смерти.

— Вы выбрались, — говорит Бэрронс вслух.

— Это другое. Я исключение. Из множества правил.

Уголок его рта приподнимается.

— Сама скромность. Как и она.

— У меня были камни.

Высеченные из реальности Невидимого Короля, они вступали в реакцию с каждым порталом, через который я проходила, меняя поведение окружающей среды и работая только на то, чтобы выбросить меня оттуда.

— Последовав за Дэни, вы лишь вынудите ее выбрать ближайший путь к отступлению — любую дверь, Зеркало. Она не перестанет от вас убегать. Что, если Дэни выберет мир без воздуха или такой, который находится слишком близко к Солнцу? Ей нужно время, чтобы воспользоваться своим мощным интеллектом. Вы выбрались. Выберется и

она. Оставьте ее. Есть другие проблемы, на которых вам стоит сосредоточиться. К тому же... — Взгляд Бэрронса встречается с моим, и я чувствую себя так, словно он отодвинул мои глаза в сторону и взгляделся в мозг, анализируя, отбрасывая, выискивая. — Ах да, вы еще не готовы. И пока не будете готовы, оставьте Дэни в покое.

«Властный» — в словаре рядом с этим понятием должна быть размещена фотография Бэрронса. К несчастью, рядом с «вызывающий привыкание» — тоже. Я расталкиваю локтями обнаглевших Невидимых и меняю тему:

— Ты так и не нашел способа от них избавиться? Прошло уже несколько месяцев.

Чирикающие призраки в черных плащах все выскакивают и выскакивают из портала один за другим. Я понятия не имею, почему они ко мне прицепились. Я быстро становлюсь единственным человеком в банке с Невидимыми сардинами (а пахнут они ничуть не лучше). Мне бы хватило и преследования с их стороны, но они же еще и трутся об меня, всякий раз оставляя на моей одежде жирную желтую пыль с резким запахом. И это — наименее весомый из аргументов, почему я хочу от них избавиться.

За редким исключением — как сегодня, когда Невидимые по непонятной причине решили угнездиться повыше, — они просто не дают мне

сражаться. Я не могу добраться до врага, пока не прорублюсь через пару десятков Невидимых, которые меня обступают. К тому времени, как я расчищу себе путь, тот, кого я действительно хотела убить, успевает исчезнуть. Мой *ши*-видящий талант: обнуление, заморозка — на них не действует.

И, словно этого недостаточно, всякий раз, когда Риодан видит меня, он устраивает мне допрос с пристрастием по поводу касты Невидимых, которая повсюду за мной таскается, а когда этот волк добирается до кости, он обчищает зубами хрящи и не отпускает, пока не доберется до костного мозга, так что я перестала ходить в «Честерс» и другие публичные места, где могу столкнуться с Риоданом или кем-то из его приближенных, то есть практически никуда не выхожу, потому что они тщательно патрулируют Дублин и прилегающие территории. Бóльшую часть дней и ночей я прикована к книжному магазину и, скучая в этой клетке, с каждым часом становлюсь все более беспечной — дьявол находит занятие для праздных рук и все такое.

«Не дьявол, а прекрасная дева. Ангел. Твой ангел».

Еще один голос, который я притворяюсь, будто не слышу.

«Ты хочешь от них избавиться? Твое желание

для меня закон».

Да-да, я совершенно оглохла.

Я убила около пятидесяти Невидимых, когда они только начали меня преследовать, но, сколько бы я их ни уничтожала, появлялись все новые и новые. Мое отвращение усиливалось из-за того, что, умирая, эти существа испускали огромное облако зловонной желтой пыли, которая оседала на мне и заставляла меня чихать до головокружения. Я не видела, чтобы они питались людьми, и, поскольку вред от них ограничивался тем, что они преследовали меня и портили мне одежду, я перестала их убивать. Это бесполезно и неприятно. Я смотрю на Бэрронса. Вокруг него добрых пять футов личного пространства, во всех направлениях. Я же, наоборот, была человеческим аналогом собаки с Невидимыми блохами.

— Так ты можешь избавиться от них или нет?

— Я над этим работаю.

— А ты не можешь просто сделать мне татуировку или нечто подобное?

— Теперь она хочет, чтобы я сделал ей татуировку! Чудо из чудес!

— Это лучше, чем ходить повсюду с этими... с этими... с этим вонючим гнусом!

— Я еще не нашел татуировку, которая сработает.

— Ну, то, что заставляет Невидимых

держаться подальше от магазина, заставит их держаться подальше и от меня, верно? Почему бы тебе просто не повторить со мной то же, что ты сделал с магазином?

Магазин и гараж Бэрронса остались единственным местом, где я могу находиться без сопровождения.

— Я пока не определил, какой из элементов обеспечивает такой эффект. И нет, я не могу проделать то же самое с вами. Вы живая. А после подобного эксперимента это обстоятельство может измениться. Я предпочитаю видеть вас живой. Большую часть времени.

Большую часть времени? Я свирепею, но отказываюсь отвлекаться.

— И сколько же элементов вовлечено в защиту магазина? Пять? Десять? Сотня?

Когда Бэрронс не выдает ни единой детали своего тайного защитного заклинания — я, впрочем, этого и не ожидала, поскольку его второе имя «Не суйте нос в мои великие дела», — я продолжаю давить:

— А ты не думал о том, чтобы спросить у Келтаров, не могут ли они мне помочь? Они же были друидами Фей на протяжении тысяч лет и, возможно...

В этот раз скользнувший по мне взгляд отсвечивает красным, и я умолкаю. Я уже видела

эти вспышки, когда Бэрронс нависал надо мной, обхватив руками мою голову, видела в его глазах, потемневших от желания. Я видела такую же вспышку, когда он убивал. Мне известно, что она обещает: первобытную страсть или же первобытное разрушение. Как бы странно это ни звучало, сейчас я была не в настроении для обоих вариантов. Мои проблемы повлекли за собой целые грозди подпроблем, у которых, совершенно очевидно, не прекращаются болезненные схватки в процессе порождения новых проблем, даже когда я останавливаюсь, чтобы над ними подумать. Упомянуть о клане сексуальных горцев при Бэрронсе никогда не было хорошей идеей, о чем я бы не забыла, если бы не отвлеклась на внезапно возникшую мысль: сегодня я надела последнюю чистую одежду и мне предстоит стирка. Опять.

Меня тошнит от необходимости прятаться. Я устала постоянно стирать одежду. Сыта по горло сидением на заднице и ничегонеделанием для того, чтобы помочь моему городу, моим людям, самой себе. Предположительно самое могущественное существо в Дублине, а то и на всей планете — за исключением одного временно замороженного Принца, — я залегла на дно, чтобы никто не обнаружил психопатического, одержимого мыслями об убийстве эмбриона, который я ношу в себе, — полную копию «Синсар Дабх», самой

опасной, извращенной, злобной книги черной магии из всех, что когда-либо были созданы.

Я знаю, где найти заклятие для избавления от преследующих меня Невидимых. Я даже знаю, где найти магию для отслеживания и уничтожения того, что замораживает людей и наш город. На страницах книги, которую я не осмеливаюсь даже открыть, даже мимолетно взглянуть на ее содержимое. Темная Книга овладевает любым, кто ее прочтет, захватывает изнутри и искажает до полной неузнаваемости. Я ношу в себе смертоносную бомбу. И пока я ее не касаюсь, я не взорвусь изнутри, превратившись в величайшее зло, известное человечеству. Первую неделю после того, как я отказалась искать заклинание, способное подарить покой сыну Бэрронса, «Синсар Дабх» молчала. На протяжении восьми с половиной блаженных дней я верила, что получила свое «долго и счастливо», что смогу жить спокойно, убивая Невидимых, отстраивая Дублин, ухаживая за клумбами вместе с мамой, гоняя на супермашинах с папой, укрепляя аббатство и связи со своими сестрами *ши*-видящими, потрясающе ссорясь и еще лучше занимаясь сексом с Бэрронсом. Мне нужно было только игнорировать «Синсар Дабх». Никогда ее не открывать. Никогда не использовать безграничные силы, оказавшиеся в моем распоряжении.

Просто, да?

На самом деле нет.

Искушение — это не зло, которое однажды сокрушаешь до конца и затем уходишь, освободившись. Искушение каждую ночь забирается с тобой в постель и помогает тебе молиться. Оно дружески будит тебя поутру чашкой кофе и знает, как именно тебе ее подать, как подтолкнуть тебя к греху.

Каждый проклятый день — повторение того вечера у книжного магазина, снова и снова, только вместо того, чтобы отказаться произнести заклятие для спасения сына одного мужчины, я отказываюсь спасти целый город.

Мне требуется целых пять минут подстрекательства со стороны «Синсар Дабх», чтобы определить план действия.

Я должна избавиться от нее.

Прежде чем кто-то о ней узнает или я потеряю над собой контроль и паду смертью и разрушением на головы тех, кто мне дорог. Я не собираюсь вести эту битву каждый день своей продленной фейским эликсиром жизни. И, надеюсь, преследователи, мешающие мне на каждом шагу, исчезнут вместе с Книгой.

Пока наш город сражался с ледяным монстром, мы с Бэрронсом (и группой моих гулей на хвосте) тратили неделю за неделей на походы в

непрерывно меняющийся Белый Особняк, на исследование бесконечных библиотек, на изучение древних манускриптов и свитков в погоне за призрачным шепотом легенды: печально известным заклинанием, способным призвать Короля Невидимых обратно в Дублин, чтобы он вытащил из меня свою проклятую Книгу.

Бэрронс считает это бесполезной тратой сил и начинает терять терпение. Он провел бесчисленные тысячелетия в поисках древней книги заклятий — и теперь я снова заставляю его искать заклятия в древних книгах. Бэрронс говорит, что полубезумный Король, даже если нам удастся привлечь его внимание, лишь рассмеется и исчезнет так же быстро, как и появился.

Я отказываюсь в это верить. Король — моя единственная надежда. К тому же он ко мне неравнодушен. Вроде бы. Мне так кажется. Насколько подобное утверждение вообще может быть справедливо в отношении существа, которое зовет себя Королем Невидимых.

— Вы подчинитесь мне, мисс Лейн. Вы не будете следовать за Дэни. На этом все.

Иерихон Бэрронс превращается в рябь мускулов и безупречно сшитого костюма от Армани, проходит сквозь портал и оставляет меня наедине с множеством вопросов, двумя неприглядными вариантами действий и сотней с

лишним Невидимых.

На этом все, надо же. Я свободная женщина. Я ходячая Смерть. Я возможность Полного и Окончательного Разрушения Мира. Я, черт побери, могу сама принимать решения.

Прищурившись, я смотрю на Зеркало.

Я знаю Бэрронса.

Если я последую за Дэни, за мной последует он, а также конфедерация Невидимых. Представляю себе это шествие: прелестная блондинка с жутким взглядом, за ней огромный, темный, покрытый татуировками мужчина с *реально* жутким взглядом, а дальше — шлейф странно скользящих, припорошенных паутиной, зловонных призраков в черных плащах. Черт, я бы взглянула на нас и сбежала, даже если бы не знала, что у этого парада есть причины, чтобы на меня злиться.

Бэрронс прав: Дэни будет продолжать убегать куда угодно, как угодно, как получится.

И дело не в нашей странной кавалькаде.

Дело во мне.

«Вы еще не готовы», — сказал Бэрронс.

Это я виновата в том, что Дэни прошла через Зеркало. Мне все лучше удастся распознавать ключевые моменты, и один из них был там, на улице, где я могла бы дотянуться до Дэни, не дать ей сбежать. Или хотя бы не позволить нырнуть в

реальность Фей.

От меня не ускользнул тот факт, что Дэни даже не пыталась использовать свои суперсилы в нашей до абсурда нормальной девчоночьей потасовке и не воспользовалась стоп-кадром, а это делает очевидным ее отчаянную надежду на то, что я сумею ее простить.

Я тоже смягчала удары, отчаянно желая простить Дэни. Вернуть обратно почти утерянную невинность. Но те часы опрокинулись на бок с бешено вращающейся стрелкой и застыли на грязной дублинской улочке рядом с золотистой косметичкой, полузасыпанной мусором, и адресом, который умирающая нацарапала на камнях.

Часы сломались.

Нельзя было рассчитывать на то, что Дэни будет долго сохранять нормальную скорость — как и предсказать, что именно ее испугнет, — так что, когда она споткнулась и у меня появилась возможность, я взмахнула копьем, чтобы перерезать лямки ее рюкзака, забрать еду и исключить вероятность бегства.

Клянусь, это была моя единственная цель — ее еда. Больше ничего.

Но в тот миг, когда я вскинула копье, на меня нахлынули воспоминания о зле, с которым мне пришлось сражаться, и я увидела свою сестру мертвой в переулке, и Мэллиса, пытающего меня до

полусмерти, и Невидимых Принцев, которые меня насилуют, и Ровену, перерезающую мне горло в камере под аббатством, и бесконечные игры «Синсар Дабх», — и на мгновение возненавидела весь мир, потому что раньше мне было известно, кто я, раньше я была хорошей, во мне не было зла, по крайней мере так я думала, а в неведении действительно есть некая доля блаженства и невинности. Но когда ты каждый день сражаешься со злом, смотришь ему в лицо, взаимодействуешь с ним, учишься думать, как оно, ты становишься перед выбором: быть побежденным границами собственной морали или же пробудить в себе зверя, который не подчиняется никаким границам.

То, что у меня есть такой зверь, плюс мой сумасшедший спутник, делает меня замороженной, как и моего соплеменника-Принца, вот только Круус заточен против собственной воли, а я сама выбрала свой бесполезный стазис.

Так или иначе, мы оба скованы льдом.

Я ничего не делаю. И мое отвращение к себе растет. Грань тонка. Ее легко пересечь.

Невозможно не пересечь.

Мне требуется вся моя сила воли до последней капли, чтобы удержать удар ровно настолько, чтобы рассечь лишь нейлон, а не плоть и кости, и, если бы мне пришлось повторить подобное, я не уверена, что смогла бы удержаться

еще раз.

Я люблю свою сестру. Я любила Дэни.

Кое-что наше нутро дистиллирует до самой сути, как ни старайся сосредоточиться на сострадании, милосердии и понимании.

Одна из них убила другую. И в сердце моем живет жестокость.

В которой я не могу винить соблазнительный шепот «Синсар Дабх». Эта жестокость только моя. Я не сумела убедить Дэни в том, что не хочу мести.

Я не убедила в этом саму себя.

Глава 3

*На плече моем ангел и
Мефистофель*

*Песня «Love Runs Out» группы
OneRepublic*

ДУБЛИН ДЕЙЛИ

17 июля ППС

ВАШ *ЕДИНСТВЕННЫЙ* ИСТОЧНИК
ДОСТОВЕРНЫХ НОВОСТЕЙ
ИЗ НОВОГО ДУБЛИНА И ЕГО ОКРАИН
ИЗДАЕТСЯ НЕРАВНОДУШНЫМИ

Лето пришло!

Самое время вспомнить о БЕЛИЗНЕ!

Присоединяйтесь к нам, помогайте отстраивать
новый, более сильный, более зеленый Дублин!

ВЫ можете ИЗМЕНИТЬ МИР!

Пришло время показать, что вы — Не
РАВНОДУШНЫ.

Присоединяйтесь к НеРавнодушным.

Сегодня!

Мак

Я комкаю листовку, не удосужившись
прочитать, что предлагают после пропаганды эти
тенденциозные журналисты. Мне противно видеть

эти листовки там, где раньше можно было найти новости о городе. Когда-то я была городской новостью, потому что сражалась на улицах, изменяла мир, диктовала правила... или хотя бы знала, по каким правилам нужно действовать.

Я хочу видеть, как «Дэни дейли» трепещет на столбах на ветру. Хочу читать ее хвостовство по поводу недавнего убийства. Хочу знать, какова последняя угроза Невидимых, поданная в забавных и цветастых деталях, которыми Дэни любила оснащать свои тексты. Я все еще не в том состоянии, чтобы увидеть ее вживую, но мне бы очень хотелось знать, что с ней все в порядке.

И факт, что о случившемся в аббатстве в ту ночь, когда был уничтожен Король Белого Инея, я узнала из приколотой кнопкой листовки «НеРавнодушных», бесконечно меня оскорбляет. Я бросаю скомканный лист бумаги в потрепанную урну.

Мне следовало находиться в аббатстве, но мы с Бэрронсом снова были в Зеркалах и вернулись в ту самую ночь, через час после грандиозного снегопада. Мы даже не знали, что происходит. Если бы я была там, возможно, никому бы не пришлось умирать. Возможно, я смогла бы спасти Кристиана от Алой Карги. Я скучала по сексуальному юному шотландцу с ослепительной улыбкой, по тому, с кем познакомилась в самом начале своей

дублинской жизни. Я отказываюсь верить, что мы потеряли его навсегда. Говорят, что Кристиан окончательно превратился в Принца Невидимых. Я слышала, что дядюшки искали его, но безуспешно.

Они говорили. Я слышала.

Голос моих новостей пассивен, как и я сама.

Поиски Кристиана — еще одна миссия, за которую мне стоило бы взяться. Он считает меня ответственной за то, что с ним случилось, потому что я скормила ему плоть Невидимого, чтобы спасти его жизнь. Это, в сочетании с неудачей во время ритуала Келтаров, во время которого присутствовал Бэрронс в круге горских камней на Самайн, похоже, определило судьбу Кристиана. В своем превращении он в равной степени винит Иерихона и меня. Что абсолютная чепуха. Я стояла в Холле Всех Дней и *решилась* отправиться туда, где застрял Кристиан, в пустынный мир с четырьмя радиоактивными солнцами, я рискнула собственной жизнью, чтобы спасти его. И вот она, благодарность.

Я обеими руками забрасываю волосы назад, чтобы не начать вырывать их от злости.

Прошел двадцать один день с тех пор, как Дэни нырнула в Зеркало, ведущее в Холл Всех Дней, и я понятия не имею, жива она или мертва. Я обыскивала город, свита призраков таскалась за мной по пятам, я рисковала выдать себя в поисках

намека на ее возвращение. Все чаще я простаивала на улице, вглядываясь в проклятую точку на кирпичной кладке, и сомневалась во всем, что знала о себе.

Я обнаружила, что, как и Феи, Риодан со своими людьми не так уж активен на улицах между часом и пятью часами дня, и это давало мне дополнительное время на продолжение поисков хвастливой новой «Д», вырезанной на брусчатке у места одного из самых впечатляющих убийств, совершенных Дэни, или записки в Главном Почтовом, или же встречи с ее другом Танцором. Потому что мне она едва ли сообщит, когда вернется.

Я ускоряю шаг. Чирикающая труппа за мной, рядом со мной, мгновенно подстраивается под мой темп. Я начинаю расчищать себе путь локтями. На несколько секунд это даже срабатывает, а затем я снова оказываюсь зажатой между пыльными и вонючими Невидимыми. Я стряхиваю паутину с рукавов. Дэни была права: они стремные.

«Они могут стать твоими жрецами, МакКайла. Владей ими».

Я абсолютно не желаю этого знать.

Я делаю то, чему научил меня Бэрронс: мысленно представляю себе сияющую золотом и обсидианом Книгу, захопываю ее и запираю, добавляя для смеха мультипликационные эффекты:

пыль, взлетающую с обложки, глаз на золоченом переплете, закрывающийся, как от смертельной инъекции. Заканчиваю я смыванием Книги в гигантский унитаз.

«Синсар Дабх» права: я смогу сделать поиски гораздо эффективнее, если отправлю сотню Невидимых высматривать Дэни. Я могу отправить их в Холл.

Но не стану этого делать.

Несмотря на бесплодность моих занятий, выбраться из книжного магазина все же приятно. Дублин возвращается к жизни благодаря моей маме и ее группе Озеленения нового Дублина. После уничтожения Короля Белого Инея лед начал таять с опасной скоростью, город затопило, и большинство людей заперлись в домах, пережидая наводнение.

Но не Рейни Лейн. Она атаковала по всем фронтам: организовала команды для охраны и укладывания мешков с песком, в то время как другие команды отправились за удобрениями, семенами и ставшим редкостью скотом из прилегающих областей, не опустошенных вампирскими Тенями. Как только стало достаточно сухо, мама мобилизовала дополнительные силы, чтобы убрать брошенные автомобили, блокировавшие улицы с прошлого Хеллоуина, когда пали стены и по Дублину прокатились беспорядки.

Когда улицы расчистили от крупного мусора, мама с головой погрузилась в работу, наблюдая за удобрением почвы, сея траву, сажая кусты и деревья. Новые цветы подарили Дублину надежду, мотивировали людей присоединиться к восстановлению города. Знаменитые флаги на пабе Оливера Сент-Джона Гогарти² были повешены заново, клумбы вдоль набережной вскипели множеством цветов, и, похоже, кто-то планировал заново открыть «Темпл Бар».

Мой папа, Джек Лейн, улаживает гражданские иски, с которыми участники не справились с помощью кулаков (что оставляет ему не так уж много дел для рассмотрения), а также приглядывает за одной из команд, занимающейся восстановлением электричества, и работой дворников. Фонари теперь оживают в сумерках и засыпают на рассвете, бывшие административные центры предлагают убежище бездомным. Те немногие врачи, которым удалось уцелеть, устроили импровизированный госпиталь в Дублинском замке, по соседству с инспектором

² Оливер Сент-Джон Гогарти (1878–1957) — ирландский поэт, писатель, врач-отоларинголог, спортсмен и политик. В современном Дублине есть названный в честь Гогарти паб, на котором вывешены флаги разных стран.

Джайном и бывшей «Гардой», ставшей теперь НХД: Новыми Хранителями Дублина. Папа говорит, что энергоснабжение вскоре полностью восстановится и нам больше не понадобятся генераторы. Похоже, в Ирландии не было недостатка в инженерах и хакерах, которые пережили падение города легче остальных.

Еда и лекарства пользуются повышенным спросом. Круглосуточные продуктовые магазины опустели, больницы и аптеки вымели подчистую, и мы потеряли слишком много плодородной земли — ее захватили Тени, и на восстановление потребуется немало времени. Одна из немногих позитивных сторон того, что половина человечества была стерта с лица земли, заключается вот в чем: осталось множество припасов и лекарств, — для тех, кто сможет выжить на долгом и опасном пути, заполненном фейскими и человеческими хищниками. НеРавнодушные пытались занять свою нишу на рынке припасов, но не сумели этого сделать, уступив напору безжалостных конкурентов.

В настоящее время в Дублине есть три места, где можно приобрести еду (цены на нее варьируются в зависимости от аппетита продавцов): в «Честерсе», у Фей и на черном рынке. Как по мне, все три рынка черные. Но моего мнения никто *не спрашивает*, ведь никто меня не видит, потому что

я все время прячусь и потому что у меня есть бойфренд, который не любит разговаривать.

Я фыркаю. Я только что мысленно назвала Иерихона Бэрронса своим бойфрендом. Сомневаюсь, что этот ходячий катаклизм подходит под любую из составляющих такого определения.

Все, это факт. Я схожу с ума.

В этом повинны одиночество и бездействие.

Сорок пять минут спустя я направляюсь обратно в книжный магазин. У меня за плечами еще один впустую потраченный день, на смену которому должен прийти еще один потрясающий вечер, который я проведу за чтением пыльных рассыпающихся рукописей. Раньше я любила читать. Но раньше я читала романы, увлекательные детективы и автобиографии. Теперь я читаю только одно: сухую, архаичную историю Фей и ирландские легенды.

Я решаю срезать путь и пойти через Темную Зону, прилегающую к «КСБ», — посмотреть, что там происходит, и убедиться в том, что она до сих пор пуста. Это поднимет мне настроение. Пусть я не могу по-настоящему сражаться, но я, по крайней мере, могу держать под наблюдением одно из облюбованных моим врагом мест и убеждаться в том, что он не вернулся.

Рой Невидимых заворачивает вместе со мной,

когда я ныряю на узкую мощеную улочку.

Почти год назад, на второй день после моего приезда в Дублин, я потерялась в этих забытых замусоренных кварталах, заполненных обветшалыми промышленными складами и доками, зданиями с осыпающимися дымоходами, оставленными машинами и разбросанной повсюду толстой пористой шелухой, — не зная о бесформенной опасности, таящейся в тенях.

Когда в тот день я наконец покинула опасную зону, точнее подошла к опасности совершенно иного рода, скрытой в «Книгах и сувенирах Бэрронса», я с первого взгляда влюбилась... в книжный магазин. С его владельцем все было совершенно иначе. С ним у нас была война с первого взгляда. И я не уверена в том, что хотя бы что-нибудь изменилось, разве что мы оба начали искренне ею наслаждаться.

Позже в тот же вечер Бэрронс появился в номере, который я сняла в «Кларин-хаусе», и попытался угрозами заставить меня уехать. Не сработало. Я тогда была милой, одетой в розовое и до смерти перепуганной девушкой, но не отступила.

Я хмурюсь и тру лоб, потом пощипываю переносицу. В моей голове зудит. Иногда, когда я думаю о той ночи, происходит кое-что странное. Словно в моем черепе спрятано нечто, тщательно

завернутое в этикетку, и что-то беспокоит его, вздымая пыль, привлекая мое внимание к месту, в которое я могла никогда не заглянуть. Благодаря «Синсар Дабх», постоянно вмешивающейся в мою жизнь и пытающейся узурпировать мои мысли, я стала профи по ориентированию в смутно освещенных коридорах своего мозга, что-то обходя, что-то пряча подальше в тень, что-то подбирая и вынося на свет (это происходило все чаще).

Но это... Я даже не знаю, что это такое.

Оно не ощущается как часть Книги или меня. Словно кто-то другой спрятал там посылку, тщательно упаковав ее в несколько защитных слоев и оставив в маленькой пещере, куда я могу никогда не...

— Ты дала клятву, обязалась ослабить напряженность! — шипит голос. — Теперь это *моя* территория.

Мой взгляд устремляется вперед, и я с изумлением обнаруживаю себя в семи или восьми кварталах вглубь Темной Зоны. Мое тело немедленно готовится к бою, рука уже на копье. Мои призраки щебечут и взлетают на крыши. Серая Женщина, крадущая красоту, явно нравится им не больше, чем мне. Я жалею, что не могу вычислить причины, по которым Невидимые иногда решают оставить меня в покое.

Я наслаждаюсь возникшей свободой и

расправляю плечи, которые неизбежно сутулю, когда Невидимые приближаются ко мне. За исключением ночи, когда я последний раз видела Дэни, прошло уже много месяцев с тех пор, как мне удавалось постоять на улице в одиночестве.

Теперь я лицом к лицу с Невидимым врагом — один на один, мне ничто не мешает. Это потрясающе, как в старые времена.

Серая Женщина, ростом под три метра и вся усыпанная открытыми, сочащимися язвами, отвратительна. Я ненадолго сосредоточиваюсь на длинных тощих руках, покрытых присосками, едва не убившими Дэни в ту ночь, и вспоминаю, как вынудила злобную Невидимую вернуть девочке высосанную из нее жизнь в обмен на грязную сделку, которую мне не стоило заключать, но которую я заключила бы снова, окажись на кону судьба Дэни.

Я поднимаю взгляд на разлагающееся лицо и вспоминаю пришепетывающих Фей, которые убили мою сестру, и сколько раз эта тварь питалась людьми, и бесчисленные жизни, которые она искалечила и погубила.

Я не видела на улицах никого из подчиненных Риодана. Моя стая мне не мешает.

Момент идеален. Я *ши*-видящая и мощный Нуль. У меня оружие, которое убивает Фей. Мне не нужно ничего от моего внутреннего психопата.

Моего копья достаточно. «Синсар Дабх» здесь и не пахнет. Я иногда задумывалась, не Книга ли виновата в том, что меня преследуют призраки, не она ли призвала их, чтобы мучить меня, решив, что, если она достаточно долго не пустит меня в бой, я передумаю и соглашусь на ее бесконечные уговоры.

Ни за что.

Сегодня я собираюсь отправиться домой пружинистым шагом, с хорошим настроением и мыслью, что я избавилась от одного из множества своих врагов. Покончив с этой грязной злобной тварью, я снова почувствую себя прежней, почувствую, что сражаюсь на стороне добра, спасая неизвестно сколько тысяч жизней.

— Ты покинешь это место! Оно мое! Ты обещала мне свободу передвижений. Ты должна мне услугу! — шипит Серая Женщина.

Именно этого мне так не хватало несколько минувших месяцев: золотой возможности врезать по зубам собственным сомнениям, напомнить себе, что, несмотря на подстрекательства Книги, я главная. Решения принимаю я, а не «Синсар Дабх». Она может трепаться сколько угодно, может вмешиваться в мои мысли и без конца меня искушать, но я сама распоряжаюсь своим телом и диктую условия.

Невидимые — вредители, они убили

миллионы людей и с радостью пожирали бы наш мир, пока от него ничего не осталось бы. Я презираю их и ненавижу себя за то, что больше их не убиваю.

В бою мое копьё светится белым. Я добро.

— Знаешь что, — я прыгаю на Серую Женщину, — я солгала.

«Да», — шепчет «Синсар Дабх».

И все погружается во тьму.

Я с трудом прихожу в сознание, отчаянно хватая воздух ртом. Я на коленях, в канаве — что меня не удивляет, я близко знакома с дублинскими канавами, меня слишком часто тошнило в огромное их количество.

У меня все болит. Поясницу тянет, руки горят, колени содраны, и я промокла до нитки.

Я смотрю на небо, гадая, не пошел ли снова дождь. Здесь часто дождит.

Нет, солнце все еще сияет, ну, почти. Оно касается горизонта за... Я хмурюсь. Что произошло? Где я? Не в Темной Зоне, это ясно, я в другой части города.

Мягкий смешок перекатывается в моей голове. «Земля Свободных, МакКайла. Дом Смелых, Прекрасных и Смертоносных. Только не говори, что тебе не понравилось», — с шелковой нежностью тянет «Синсар Дабх».

Что-то капает мне на голову, стекает на лицо. Я прикасаюсь к щеке и смотрю на свою ладонь. Она покрыта зеленой слизью.

И красной кровью.

Ногти испачканы. Под ними застряло нечто такое, что я отказываюсь рассматривать.

«Не смотрит вверх, не смотрит вверх.

Продолжай в том же духе, Принцесса, и я сама тебя убью. Не думай, что я не сумею».

Я крепко зажмуриваю глаза.

«Некуда бежать, негде прятаться», — почти поет Книга и показывает на внутренней стороне моих век картинку: я стою на коленях в «Книгах и сувенирах Бэрронса», приставив дуло к виску.

«Шучу-шучу. Никогда не позволю тебе это сделать. Ты моя, крошка», — гнусавит она, отвратительно пародируя Сонни и Шер.

Скривившись, я открываю глаза и опасно смотрю вверх.

Твою мать, твою мать, твою мать!

На фонарный столб, под которым я скорчилась, насажена Серая Женщина — искалеченная, выпотрошенная, четвертованная.

И живая.

Куски ее тела извиваются в агонии. Присоски конвульсивно открываются и закрываются, и она каким-то образом еще способна издавать звуки: стоны и всхлипывания от ужасающей боли.

Я роняю голову, и меня тошнит в канаву. На человеческую кисть. Оторванную в запястье.

«Он хотел тебе помешать».

— Нет, — шепчу я.

Я узнаю обрывок формы, оставшийся на запястье. Погибший — один из Хранителей Джайна. Я ни за что бы не убила человека. Не причинила бы зла невинному. Пусть мне не нравятся методы Джайна — он отнял у Дэни ее меч и с радостью избавил бы меня от копья, если бы мог, — но он и его люди выполняют для города опасную и крайне необходимую работу.

«О да. И ты наслаждалась каждой секундой. Ты ровно настолько же чудовище, как, по твоим словам, и я».

Я яростно трясу головой, словно пытаюсь вытрясти Книгу из черепа.

«Я здесь главная, — передразнивает „Синсар Дабх“ фальцетом, издеваясь надо мной. — Я принимаю решения. Милая МакКайла, когда же ты запомнишь? Ты машина. Я водитель. Но я могу управлять тобой лишь потому, что в глубине души ты хочешь доверить мне управление».

Я дрожу, холод пробирает меня до костей.

«Не хочу!»

Я видела, как Книга «управляет» другими машинами. И считаю, что мне повезло, раз уж тут рядом со мной на улице всего две оторванные

человеческие кисти. Я стою на четвереньках, опустив голову, закрыв глаза, и дрожу под грузом осознания ужасных действий, которые я совершила, и ненависти к себе. Часть меня хочет лечь прямо здесь и прекратить существование. Я была так самоуверенна, не сомневаясь в том, что я себя контролирую.

И так непростительно ошибалась.

«Существует лишь два способа, позволяющих врагу победить, мисс Лейн, — говорил мне Бэрронс недавно, продолжая старую традицию уроков в книжном магазине. — Вы умираете. Или прекращаете бороться. И тогда умираете. Вы этого хотите? Умереть?»

Я хочу жить. У меня так много причин, чтобы жить.

Я уверена, что они были и у того, кого я убила. В груди становится жарко и тесно, мышцы сжимаются. Я не могу вдохнуть. Я скорчилась в канаве, отчаянно и беззвучно пытаюсь втянуть в себя хоть немного воздуха.

«Вставай, Мак! — слышу я рычание Бэрронса. — Вставай, черт тебя побери!» Он командует мной, даже отсутствуя. Я опускаю голову ниже и пытаюсь силой воли расслабить закаменевшие мышцы. Это не срабатывает. От недостатка кислорода у меня начинает кружиться голова. *Не могу дышать, не могу дышать, не могу дышать!* Я начинаю паниковать.

«Иногда, если слишком сосредоточиться на цели, мисс Лейн, вы усиливаете ее нежелательный элемент».

«Не понимаю», — говорю я.

«Страх власти, которую, как вы считаете, кто-то или что-то имеет над вами, — это всего лишь тюремная камера, в которую вы сами решили войти. Думая о том, чтобы освободиться от Книги, вы усилили свою уверенность в том, что вы ее пленница».

Я заставляю себя сделать нечто противоестественное, противоположное тому, чего я хочу: выдох вместо вдоха.

Воздух со скрипом возвращается в легкие, так быстро, что я захлебываюсь им. И корчусь в канаве, плююсь и пытаюсь отдышаться.

Несколько секунд спустя я неуверенно поднимаюсь на ноги.

Что произошло? Почему Книга получила контроль надо мной, а я этого даже не осознала?

Я медленно оглядываюсь. Фиксируя в памяти свои преступления.

Повсюду разбросаны куски Невидимой и человеческой плоти. Среди которых нет ни единого клочка размером больше чайного блюдца.

Я начинаю сортировать их и некоторое время спустя нахожу руку убитого мной человека, прижимаю ее к груди и плачу.

Глава 4

Боль без любви, боли не может быть много.

Песня «Rain» группы Three Days Grace.

Кристиан

Лето в Северо-Шотландском нагорье, белый и пурпурный вереск захватил ландшафт, сплошным ковром накрыв долины и склоны. Лиловые цветы чертополоха вырвались на волю из толстых колючих бутонов, бледно-розовые дикие розы покачиваются над скалистыми выступами.

Дьявол кроется в деталях. Как иногда и спасение.

Я сосредоточиваюсь на прикосновении к траве под моими ногами, на ощущении ветра в волосах, когда я бегу.

Мы мчимся по склону, моя сестра Колин и я, чтобы поплавать в ледяной в начале лета темной воде озера. День почти идеален, безоблачное небо синей чашей накрывает травянистую впадину, тянущуюся на многие мили между величественными горами.

Ничто не сравнится с моими горами, ничто

никогда не сумеет с ними сравниться. Эта земля дарит мне радость и покой.

Хоть я и слышу правду за ложью, хоть меня и боятся и жители деревень относятся ко мне с отстраненным холодным уважением, здесь мое место. Имя Келтаров хорошо известно, это гордое имя. Мы неотъемлемая часть нашей деревни, ее жителей, и когда экономика в упадке, мы даем им работу на нашей земле и в замках. Мы понимаем, что когда процветают те, за кого мы несем ответственность, мы сами становимся в десять раз сильнее, чем в одиночку. Таково значение слова «клан» — это гораздо больше, чем просто семья.

Шотландия — страсть в моей крови. Тут я родился, тут умру, и мои кости упокоятся на кладбище за разрушенной башней, поросшей плющом, чуть дальше плиты с рунами пиктов, но чуть ближе гробницы Зеленой Леди, где корни дерева и надгробие переплелись, создав очертания привлекательного лица и прелестного тела, одетого только в мох.

Семья — это все. Я женюсь и буду растить наследника за мощными стенами замка Келтар, у круга стоячих камней, известных как Бан Дрохад, или Белый Мост, — их предназначение открыто только нам, их магия бьется в земле, словно живое сердце. Я буду учить своих сыновей, и они станут друидами, как их отец и деда, я буду учить своих

дочерей, и они станут похожими на валькирий прежних дней. Я остро ощущаю свою принадлежность. Я точно знаю, кто я такой: Кристиан МакКелтар, происходящий из древнего, тысячелетиями почитаемого рода.

Основоположники моего клана ходили по холму Тары еще до того, как она получила свое название. Прежде чем появились нынешние названия, мы распахивали землю Скара-Брей³, собирали камни для постройки жилищ, в которых селились наши женщины и дети. А еще раньше мы стояли на берегах Ирландии в кипящем прибое, и тучи взрывались над нами светом: мы были свидетелями того, как Древние спускались со звезд. По приглашению этих новых богов мы удалились в высокогорье — хранить Договор между нашими расами.

Призраки моих предков разгуливают по коридорам замка в благословенные вечера праздничных дней Бельтайна и Самайна, когда время истончено, а реальность почти условна. Призраки моих предков, воплощавших долг, верность и честь.

³ Скара-Брей — крупное хорошо сохранившееся поселение эпохи неолита, обнаруженное у залива Скейл на западном побережье острова Мейнленд, Оркнейские острова, Шотландия.

Мы Келтары.

Мы сражаемся за правое дело. Мы защищаем и почитаем.

Мы не сдаемся.

Когда Алая Карга вновь вырывает мои внутренности и боль пылает во мне пожаром, выжигая все, кроме мучения, плоть моя в огне и агонии, каждый нерв кричит; когда внутренности *снова* вырывают из моего тела, я отчаянно пытаюсь выжить, несмотря на то, что тело отчаянно хочет умереть. Потому что всякий раз, когда я умираю и мое сознание ускользает, — я теряю свои горы. Прикованный к скалистому утесу на высоте тысячи футов над адским гротом, я глубоко дышу, чтобы почувствовать аромат вереска; я бегу быстрее, чтобы ощутить пружинистую весеннюю траву и мох под ногами. Я собираю розы, прогуливаясь между кустов, и, чтоб его, какой колючий этот чертополох!

Я прыгаю в ледяное озеро, выныриваю на поверхность и стряхиваю воду с волос. Я запрокидываю голову и смеюсь, когда Колин ныряет рядом со мной, всего в нескольких дюймах, захлестнув меня волной.

Подо мной, во мне есть пропасть, темная и уютная, и совершенно безумная. Утонув в ней, я буду свободен от пыток.

Но я Келтар.

Я не сдамся.

Глава 5

Мы строим, чтобы снова все разрушить.

*Песня «Burn It Down» группы
Linkin Park.*

Мак

— *Что* ты им сказал? — изумленно спрашиваю я, расхаживая по ковру перед газовым камином в зоне отдыха «Книг и сувениров Бэрронса», который на самом деле «Книги и сувениры МАК», — но мое имя на вручную написанной вывеске не было бы таким же престижным. Я развернулась и зашагала в обратную сторону. После того что случилось днем, мои нервы на пределе. Я не могу с собой справиться. Не сейчас.

Бэрронс на меня смотрит. Я ощущаю этот взгляд, как клинок между лопатками, он почти материален, даже если я стою к Иерихону спиной.

— Ваши каблуки портят мой ковер. А он стоит восемьдесят тысяч долларов.

Я говорю:

— Тебе нравятся мои каблуки. А деньги больше не имеют значения. К тому же я хотя бы не

прожигаю в ковре дыр.

Чует ли он запах крови, исходящий от моих рук? Нюх Бэрронса атаквистически острый. Добравшись до дома, я целый час провела в душе. Чистила под ногтями жесткой щеткой, пока не потекла кровь. И все же я чувствую себя грязной, замаранной.

Я до сих пор вижу руку Хранителя, вижу серебряное обручальное кольцо на его пальце, с гравировкой бесконечных кельтских узлов — символом вечной клятвы.

Я нашла его кошелек. Мне известно его имя.

Я буду выкрикивать его в кошмарах и шептать в молитвах. У Мика О'Лири остались жена, маленькая дочка и новорожденный сын.

— Более мудрая женщина не стала бы напоминать мне о том времени. Я до сих пор зол из-за этого.

Ночь, когда Фиона пыталась убить меня, впустив в магазин Теней и выключив свет, была, как мне теперь кажется, давным-давно. Мне пришлось зажигать и ронять спички на один из персидских ковров шестнадцатого века — в отчаянной попытке выжить. И учитывая то, как я себя сейчас чувствую, Бэрронсу еще повезло, что я не прожигаю его магазин насквозь. Новости, которые он мне сообщил, просто неприемлемы, и у меня осталось пятнадцать минут на то, чтобы

освободить помещение до начала события. Бэрронс почти сказал: «Я решил рассмотреть вас под микроскопом в присутствии тех, кто способен определить, что с вами не так, и вдобавок перед двумя Принцами Невидимых, которые превратили вас в *при-йа*. Так что поживей, ковбой!»

— Я здесь не останусь, — говорю я. — В этой каше ты будешь вариться сам, парень.

Парень. Бэрронс смотрит на меня, и я вспоминаю, что именно так назвала его, когда он появился в «Кларин-хаусе», заполнив собой мой маленький номер с крошечной кроватью, недоступным из-за очереди общим душем в конце коридора и четырьмя погнутыми вешалками в шкафу. Моему чемодану, набитому тщательно подобранной красивой одеждой и аксессуарами, не было места ни в шкафу, ни в городе. Я размышляю о том, что случилось с этой одеждой. Я давным-давно ее не видела.

Тогда Бэрронс среагировал на мое саркастическое обращение примерно так же.

Мало кто может назвать Бэрронса иначе, нежели «господином», и выжить, чтобы поведать об этом.

В его темных глазах мерцает насмешка.

«Осторожнее, мисс Лейн. Пол, по которому вы шагаете, надежен лишь настолько, насколько вы его уважаете».

Пол. Меня внезапно посещает странное видение, которое никак не связано с «Синсар Дабх»: я падаю на паркетный пол снятого в ту ночь номера, успеваю подставить ладони, перекатываюсь и ударяюсь затылком, сильно, но мне плевать. Я что-то делаю... что-то, что полностью меня захватывает. Я хмурюсь. Что? Смотрю на фотографию Алины? Читаю книгу по истории Ирландии? Складываю одежду? Не припомню, чтобы в той маленькой тесной комнате у меня был достойный выбор занятий.

Как я упала? Почему? И почему продолжаю думать о том дне?

Я ловлю обрывок ощущений, эмоций, связанных со случаем, который никак не могу отыскать в памяти. Возбуждение. Свобода. Радость. Стыд. Сожаление.

Прежде это настолько встревожило бы меня, что я начала бы рыться в памяти, но в данный момент у меня есть более срочные и важные дела.

Я стряхиваю это ощущение и падаю на мягкий диван, мрачно глядя на Иерихона через комнату.

— Бэрронс, ты, похоже, забыл о моей маленькой проблеме. Я прячусь от всех тех, кого ты сюда пригласил. Прячусь уже несколько месяцев. — О Принцах я даже не упоминаю. То, что он разрешил им явиться в мой книжный магазин, оскорбляет меня до такой степени, что я не в силах

выразить это словами. — На кой тебе вообще сдалось это собрание? И почему оно должно произойти именно тут?

Бэрронс полусует меня жестким взглядом. «Вот так убегает Мак. Вот так умирает Мак».

— Ты пытаешься меня разозлить?! — рычу я.

Он взглядом изображает эквивалент зевка. Только Бэрронс способен повернуть такой фокус и сохранить при этом угрожающий вид.

«Не то чтобы мне приходилось учитывать серьезные последствия. Вы не убьете даже скорпиона, сидящего на вашей заднице».

Я изучаю свои ногти. Под одним из них запеклась капля крови. Не знаю чья, Мика О'Лири или моя, появившаяся от слишком сильного трения щеткой. Бэрронс ошибается по поводу последствий. Я смотрю на него.

— Ты не представляешь, с чем я имею дело.

«С чудовищем внутри?» — издевается он.

— Твой зверь другой. — Я продолжаю говорить вслух, отказываясь вступать в бессловесную беседу.

Мы с Бэрронсом уже спорили об этом. И будем продолжать спорить, пока Король не освободит меня. Никто из нас не капитулирует. Такого слова нет в нашем лексиконе.

«Едва ли он отличается во многом».

— Да, но мой сильнее, — раздраженно говорю

я. Он достаточно сильный, чтобы обмануть даже меня, хоть я и отлично знаю его соблазнительные и злобные выходки.

В темных глазах Бэрронса мелькает вызов.

«Хочешь проверить, женщина?»

Взгляд, которым он меня награждает, отзывается дрожью в моей спине, и я выгибаю ее под более мягким углом, тем самым, что придает честной и грязной собачьей позе необходимую грацию. Нет такого поля боя, которое я предпочту сражению в постели с Бэрронсом. А мы с ним действительно сражаемся, вот что мы делаем. Когда он во мне, я чувствую себя чрезвычайно живой. У меня не бывало такого ни с кем другим.

Я одержима им, я подседа на любовь к Иерихону Бэрронсу, как на мощный наркотик, я жажду его.

И конечно же, не могу ему об этом сказать. Бэрронс не из тех, кто любит разговоры в постели. Секс с ним, признание наших чувств друг к другу изменило все.

И ничего.

В постели мы пара.

Вне постели мы нечто другое.

В постели я наслаждаюсь мгновениями нежности, когда секс наконец выматывает меня до состояния, в котором я слишком обессилена, чтобы переживать по поводу невероятного количества зла,

свившего гнездо внутри меня. Я касаюсь Бэрронса, вкладываю невысказанные слова в ладони и глажу черно-красные татуировки на его коже, резкие углы и линии его лица, запускаю пальцы в его черные волосы. Он молча наблюдает за мной темными непроницаемыми глазами.

Иногда я просыпаюсь от того, что Бэрронс притягивает меня к себе и обнимает, вжимается в мою спину и утыкается лицом в мои волосы, а его руки движутся по моей коже, сообщая, что дорожат мной, считаются со мной, видят меня.

Вне постели мы разные острова. Мисс Лейн и Бэрронс.

В первый раз, когда он отделился от меня, мне было больно. Я чувствовала себя отвергнутой.

Пока не поняла, что сама поступаю так же. Дело не только в Бэрронсе. Наши границы словно вшиты в нашу одежду, мы не можем ее надеть, не вернув их на место.

Иногда я думаю: не оттого ли наша страсть такая всепоглощающая, что нам нужно сохранить расстояние между нашими кострами. Я как мотылек, летящий на пламя Бэрронса, и меня пугает то, с какой готовностью я сжигаю для него свои крылья. Уничтожить мир... Отправиться за ним в ад... Когда ты чувствуешь, что не можешь без кого-то дышать, это пугает. Страшно осознавать, что кто-то обладает такой властью над

тобой, — только потому, что ты любишь его так же сильно, если не сильнее, чем собственную жизнь.

Так что я улетаю на время — возможно, лишь для того, чтобы доказать себе, что могу это сделать, — а он исчезает по своим бэрронсовым делам, руководствуясь собственными причинами.

Я всегда возвращаюсь. И он тоже. За нас говорят действия.

Я беспокоюсь ерзаю и меняю тему.

— Ты пригласил сюда моего врага. Это бред.

«День вашей жизни: вы ищете в манускриптах заклятие, которого, возможно, вообще не существует. Красите ногти. Подстригаете ногти. Ах, и не стоит забывать: вы изучаете свои ногти».

Я морщусь.

— Я занимаюсь не только этим. И оставь мои ногти в покое.

«Вы не навещаете родителей. Не посещаете аббатство. Вы почти не едите, и ваша одежда...»

Я прерываю Бэрронса, притворяясь, будто снова рассматриваю свои ногти. На этой неделе они покрашены следующим образом: черный бриллиант, белый лед, черный бриллиант, белый лед. Цветовая схема успокаивает меня, потому что в моей жизни не осталось ничего настолько же четко распределенного. Я нахожусь в курсе прискорбного состояния моих последних нарядов и не имею ни малейшего желания слушать, что о них

думает Бэрронс. Сложно хорошо одеваться, когда ты постоянно покрыт желтой пылью. Бэрронс молчит так долго, что я наконец осторожно поднимаю взгляд. И обнаруживаю, что он изучает меня с тем самым выражением лица, какое знакомо женщинам с незапамятных времен: словно я особый вид, который ему совершенно непонятен.

«Вы считаете, что я не могу защитить вас, и поэтому настаиваете на своей идиотской пассивности?»

Идиотской пассивности, да. Как показал сегодняшний день, активность бывает куда более идиотской. И смертоносной. Так Бэрронс для этого устроил сегодняшнее собрание — чтобы заставить меня включиться в дело?

— Конечно нет.

Мне хочется сменить тему.

Пора. Следующие слова Бэрронс произносит вслух, и тепло в его голосе выбивает меня из колеи.

— Ты больше не живешь, Девочка-Радуга.

Я таю, когда он так меня называет. Бэрронс умудряется произнести эти два слова так, что мне кажется, словно он произнес тысячу, и я начинаю светиться. Эти слова говорят мне, что он видит милую-и-розовую Мак, которой я была, когда только приехала сюда, видит черную-и-убийственную Мак, которой я стала (за вычетом времени, когда я покрыта Невидимыми

блохами), и видит все возможные инкарнации между этими полюсами. И хочет их все.

Я *знаю*, что больше не живу. Никто не может знать это с большей полнотой и уверенностью, чем я. И меня от этого выворачивает. Пассивность не в моей природе, я давлюсь ею, я тону в ней, а Книга жестко держит меня в заложниках за метафорические яйца.

Я смотрю на Бэрронса и говорю ему то, что не сумела заставить себя произнести вслух.

«Сегодня я убила Серую Женщину».

Уголок его сексуальных губ приподнимается.

— Праздничный день. Самое время.

«И еще я убила одного из Хранителей».

— Ах, он вам помешал.

«Не знаю, что там произошло. Я отключилась».

Обычный человек был бы шокирован, был бы в ужасе, потребовал бы рассказать, что случилось. Взгляд Бэрронса не меняется, и он не задает мне вопросов. Он сводит дебет с кредитом:

— Вы отняли две жизни и спасли тысячи.

«Ты можешь сколько угодно подводить итоги, но результат не оправдывает средств», — молча говорю я, злясь на то, что Бэрронс придал значимость разговору, которого я не хотела, и вывел его на вербальный уровень.

— Спорное утверждение.

«Я потеряла над собой контроль. Книга захватила меня и заставила убить. Сказала, что я машина, а она водитель». Даже произнесенные слова ножами застывают в воздухе и ранят меня.

— Мы будем лучше тренироваться.

«Я ненавижу се...»

— Никогда не говори так.

— Я и не сказала, — бормочу я.

Действительно ведь *не сказала*.

— Ты та, кто ты есть. Найди способ жить с этим.

— Проще сказать, чем сделать.

— Кто-то когда-то убедил тебя, что жить легко. Ты ему поверила, — насмехается Бэрронс.

— Я просто не понимаю, почему все они должны приходить сюда. Почему бы не устроить этот маленький совет в «Честерсе»?

Я резко меняю тему.

Словно словесный танцор, Бэрронс позволяет мне его вести, и я знаю почему: с его точки зрения, разговор в любом случае закончен. На его руках кровь бесчисленных жертв, мне же сложно справиться и с одной. Для него этот день ничем не отличается от других: я одержима злобным демоном и согрешила. Завтра я снова попытаюсь справиться с собой. И снова могу согрешить. А могу не согрешить. Завтра всегда наступает. Для меня и для демона. Несмотря на мою ужасную

оплошность, мои действия спасут бесчисленное количество жизней. Бэрронс смотрит на события с расстояния в тысячу ярдов, у него совесть бессмертного. Я до такого состояния еще не доросла. И не знаю, смогу ли когда-нибудь дорасти. Сегодня я до срока оборвала чужую жизнь. Жизнь семейного человека. *Хорошего* человека. Я должна найти способ справиться с этим.

— В моем магазине есть барьеры, способные нейтрализовать силы Принцев в пределах этих стен, — напоминает мне Бэрронс.

— Ты приглашаешь в мой дом тех, кто меня изнасиловал, — бросаю я, напоминая о том, что его не было рядом, чтобы спасти меня в ту ночь, когда Невидимые Принцы схватили меня в церкви, и о том, что теперь это *мой* магазин. Я не подчеркиваю слов интонацией, но они все равно имеют эффект разорвавшейся бомбы.

Внезапно воздух в комнате становится таким наэлектризованным, что меня буквально вжимает в угол дивана. Бэрронс электризует пространство и будучи в хорошем настроении, — не то чтобы я могла назвать любое из настроений Бэрронса «хорошим», — но когда он в ярости, становится трудно дышать. Он излучает энергию, перенасыщает воздух зарядом, давит, заставляя все вокруг сжиматься.

— Или ты забыл об этом маленьком

обстоятельстве?

Я хочу смерти Принцев. Думаю, что и Бэрронс хочет их смерти. Я любовно поглаживаю копьё, висящее в ножнах у меня на бедре.

— Мы могли бы убить их вместе.

Я поспешно отдергиваю руку и притворяюсь, будто чрезвычайно занята стряхиванием невидимого мусора со своей черной футболки, купленной на концерте «Disturbed», которую я ношу не потому, что мне так уж нравится их музыка, а потому, что именно так я себя и чувствую — встревоженной⁴. Образы, которые подбрасывает мне «Синсар Дабх», когда я касаюсь копья, слишком графически подробны. И слишком современны.

— Вы не убьёте их, когда они придут сюда. И я тоже. — Последние три слова Бэрронс произносит гортанным голосом, их сопровождает глухой рокот в его груди. Это звук, с которым его зверь пытается выбраться на свободу. Я едва разбираю последнее слово. — Пока.

— Почему?

Его грудь раздувается так сильно, что кажется, будто пуговицы рубашки вот-вот разлетятся. Некоторое время Бэрронс ничего не

⁴ От англ. *to disturb* — беспокоить, тревожить. (Примеч. ред.)

говорит, сидит с бесстрастным лицом, застыв на вдохе. Затем его ребра наконец расслабляются и он осторожно выдыхает. Я восхищаюсь его самоконтролем. Я хочу быть такой же. И, пожалуй, в будущем воздержусь от упоминания о групповом изнасиловании. Хоть мне и нравится дразнить Бэрронса, я не получаю удовольствия от его боли. Только от огня.

Когда он заговаривает снова, его выражения очень точно сформулированы.

— Принцы — известная величина, способная контролировать массы. Я наблюдал за взлетом и падением бесчисленных цивилизаций. Вычленил семь компонентов, необходимых для достижения нужного мне будущего. Уничтожение Принцев в данный момент помешает этому будущему. В текущее время они ключевые элементы. Но таковыми они будут не всегда.

Нужное ему будущее? Я хочу узнать, что планирует Иерихон Бэрронс, хочу быть посвященной в его цели. Но я ни о чем не спрашиваю. Он поделится со мной своими планами, когда будет готов, а еще его ответ уже был довольно распространенным, учитывая характер Иерихона. И завораживающим. Я хочу знать, что это за ключевые элементы.

Когда я была ребенком, папа часто сажал меня на колени, когда стриг траву газонокосилкой. Мне

нравились жаркие дни в Джорджии, нравился сильный запах свежескошенной лужайки, цветов магнолии, тяжело покачивавшихся во влажном липком воздухе, нравились ждущие на крыльце графин сладкого чая и два бокала со льдом, увенчанные свежими веточками мяты из нашего сада.

Однажды я «помогала» папе менять шину на газонокосилке, и он рассказал мне о ключевых элементах. Кажется, в тот день я и влюбилась во все штуки, снабженные колесами. Моя любовь родилась в золотой летний час благодаря словам человека, рядом с которым я всегда чувствовала себя и принцессой, и воином одновременно.

Ключевым элементом была чека, не позволяющая колесу свалиться с оси. Эта чека вставлялась в конец оси перпендикулярно и надежно крепила колесо до тех пор, пока ее не вынут вручную. На кончике чеки обычно бывает металлическая петелька, так что вытащить ее очень просто.

В более широком смысле такой чекой является ключевой компонент, удерживающий вместе элементы сложного механизма. Некоторые люди выдвигают теории по поводу того, что, умея определить ключевые элементы социальных, экономических и политических структур, можно уничтожить эти структуры одним ударом, с

минимумом вложений и воздействий. И наоборот, если защищать ключевые элементы, пока не достигнешь нужного результата, можно самому определять форму этого результата. Меня ничуть не удивляет, что Бэрронс живет и дышит «Искусством войны»⁵.

— И я смогу убить Принцев, когда они перестанут таковыми являться? — Я хочу быть в этом уверена.

— В тот же миг, как они перестанут таковыми являться, я сам их убью.

Об очередности этого удовольствия мы можем поспорить позже. Мне только придется убедиться, что в тот момент поблизости не окажется ни одного человека.

— Ты можешь дать Риодану возможность устроить эту встречу. В «Честерсе».

— И пригласить туда вашу призрачную армию?

— Ты можешь поставить на клуб защиту от них.

Бэрронс фыркает.

— Теперь я ваш личный заклинатель. Вы не

⁵ «Искусство войны» — наиболее известный древнекитайский трактат, посвященный военной стратегии и политике. (Примеч. ред.)

представляете, насколько сложна эта магия.

Вообще-то очень даже представляю. Бэрронс уже давно не умирал, и его грудь, обе руки до кистей и половина спины покрыты татуировками черно-красных защитных заклятий. Магия, с которой он имеет дело, опасна. К слову о магии...

— Бэрронс, со дня исчезновения Дэни прошло уже три недели. Неужели ты не можешь придумать никакого заклятия?

— Барьер сюда. Заклятие туда. Как вы справлялись с жизнью до того, как познакомились со мной?

Я пожимаю плечами:

— Это все равно что осознать, что оказалась в «Околдованном»⁶. Только не в смысле брака, — поспешно добавляю я. — Ты понял, что я имею в виду. Зачем гнуть спину и пылесосить, если с помощью нахального дерганья носом можно убрать весь дом?

— Мой нос никогда не дергается, ни нахально, ни как-либо еще. И то было совершенно абсурдной экспозицией⁷. Единственной ценой за

⁶ «Околдованный», или «Моя жена меня приворожила» («*Bewitched*»), — американский комедийный сериал, выходявший на канале ABC с 1964 по 1972 гг.

⁷ Экспозиция — здесь: вступительная часть произведения,

использование магии является столкновение с человеческой глупостью. Люди постоянно порождают хаос без нарушения алхимических принципов.

— Господи, ты смотрел...

— Не смотрел.

— Да, смотрел...

— Не смотрел.

— Но ты только что сказал...

— Неизбежная поп-культура.

— О, так ты *правда* смотрел.

Я представляю себе, как этот огромный варвар раскидывается на шелковых простынях, обнаженный, закинув руку за голову, и на огромном плоском экране смотрит допотопную комедию о Даррине и Саманте Стивенсах. Эта идея щекочет меня, даже странно заводит. Это настолько жуткий анахронизм, что мне хочется отыскать старые DVD, вытянуться на постели рядом с Бэрронсом и раствориться в примитивном сериале и еще более примитивных временах, когда единственной ценой магии было усиление человеческой глупости. Хочется смеяться вместе с Бэрронсом, занимаясь чем-то забавным и

содержащая мотивы, которые в нем развиваются. (*Примеч. ред.*)

бездумным. А потом, конечно же, кое-чем мозговыносящим. Я бы с удовольствием скоротала в постели с этим мужчиной несколько дождливых дней.

— Повторение ошибочных утверждений не изменит реальности. И вы знаете, что мы не можем выследить Дэни в реальности Фей. Потому она туда и отправилась.

Отлично, теперь у меня в голове звучит главная тема «Околдованного». А от нее всегда сложно отцепиться.

— Когда Дэни вернется, я хочу, чтобы кое-кто сделал ей татуировку. *Сразу же*, как только она вернется.

— И это после всего, что вы устроили мне из-за собственной татуировки. К тому же вы забыли, что после падения стен татуировки перестали работать. Не спешите. Мы найдем Дэни. В данный же момент самый важный пункт в нашем плане — это собрание.

Собрание. Я ерзаю, и мое веселье мгновенно исчезает.

— Ты уверен, что мы не можем перенести его в другое место?

— Все произойдет здесь. И вы будете на нем присутствовать.

Бэрронс редко о чем меня просит и многое дает взамен. Я не могу представить себе мир без

него и не хочу представлять. Однажды я чуть не уничтожила этот мир, когда поверила, что потеряла Бэрронса навсегда.

— Да, господин, — сердито бормочу я.

Он слабо улыбается.

— Вы учётите, мисс Лейн, вы учётите.

Катарина МакЛоклин, сменившая Ровену на посту грандмистрисс аббатства, прибывает первой. Спокойный взгляд серых глаз этой изящной брюнетки сканирует меня, как только я открываю дверь, напоминая о том, почему я ее избегаю. Ее талант — эмоциональная телепатия, и я не знаю, как глубоко Катарина может проникнуть. В кошмарах она очищает меня, как жемчужную луковицу, и добирается до сгнившей середины.

Я задерживаю дыхание, пока грандмистрисс не завершает свою инспекцию. Почувствовала ли она злобу «Синсар Дабх»? Вину за мое дневное убийство?

— Как ты, Мак? Давно тебя не видела.

«Тебя не было в аббатстве, ты не защитила нас», — вот какое сообщение, как мне кажется, я читаю в ее глазах, и мне становится стыдно. Но я в последнее время немного параноик, поэтому могу и ошибаться.

Дышать становится чуть легче.

— Хорошо, Кэт. А ты?

— Почему ты не пришла в аббатство в ту ночь, когда мы бились с Королем Белого Инея? Нам бы очень пригодилась твоя поддержка, — говорит она с мягким ирландским акцентом.

Вот он, нож в мое и без того продырявленное сердце. Приятно узнать, что я все-таки не параноик. И позволить Кэт с ее прямоотой стать параноиком.

— Мы с Бэрронсом были в Зеркалах. Я только постфактум узнала, чем все закончилось. Мне очень жаль, Кэт.

Ее пронизательный взгляд устремляется в мой левый глаз, затем в правый, обратно, а потом Кэт медленно кивает.

— Нам тоже жаль. В ту ночь мы потеряли многих из наших сестер. И не можем позволить себе потерять еще и тебя. К слову о потерях — ты давно видела Дэни? Ее не было в аббатстве с тех пор, как мы победили Короля Белого Инея. Я отправила девочек на поиски, но пока что они не обнаружили следа, и я не видела в последнее время листовок Дэни. Она словно испарилась.

Я и глазом не моргнула.

— Я думала, что она осталась с вами.

— В ту ночь мы поссорились по поводу того, где ей жить. Я предвидела, что Дэни попытается настоять на своем и будет держаться от нас подальше, но чем дольше она отсутствует, тем больше я беспокоюсь. Сейчас опасное время, даже

для нее. Ты не против ее поискать? И, если увидишь, передай, что нам ее очень не хватает. Я хочу, чтобы она вернулась домой.

— Конечно. — Я тоже хочу, чтобы Дэни вернулась домой.

— Надеюсь, и ты как-нибудь заскочишь в аббатство, Мак. Проведешь с нами ночь или неделю, если ты не против. Я давно хочу услышать рассказ о том, как тебе удалось принести «Синсар Дабх». — После паузы Кэт добавляет: — Есть еще кое-что, что я хотела бы обсудить, когда у тебя будет время. Насчет Крууса. Поскольку о Принцах Фей ты знаешь больше любого из нас.

— Его клетка цела, верно?

Это еще один из моих повторяющихся кошмаров: Круус выбирается, каким-то образом снова превращает меня в *при-йя*, и я сбегая с ним в другой мир, который мы начинаем населять маленькими детенышами-книгами. То есть буквально. У книг есть ручки и ножки, они все время плачут, и им нужно молоко, которого у меня нет. В последнее время сны у меня дурацкие.

— Конечно. — Кэт снова замолкает. — Но у меня есть опасения, которые я хотела бы обсудить с тобой наедине. Если бы ты смогла приехать в аббатство, ты бы сама увидела, что я имею в виду. Эта оттепель... Я думала, что с исчезновением огненного мира, который угрожает нашему дому...

О, а потом оказалось, что это не он и ничто никуда не...

Она резко обрывает себя и на несколько секунд теряет самообладание.

Я вижу неожиданную неуверенность Кэт и думаю: «О нет, неужели она тоже?..» Внезапно обретенные сила и власть могут сотворить с тобой странное превращение, особенно если тебе дорог мир вокруг, а нам обеим он дорог. Это словно внезапно получить Murcielago LP 640, с двенадцатицилиндровым движком и норовистым сцеплением, когда ты привык ездить на шестицилиндровом «мерседесе». Вначале ты водишь плохо, резко дергаясь при разгоне и торможении, не доверяешь собственным ногам, иногда, не рассчитав скорость на старте, въезжаешь в зад тем, кто катится впереди, и так, пока не научишься чувствовать автомобиль. Или, как я сегодня, не врежешься в стену, снеся все, что попало на пути.

— Кэт, что не так в аббатстве? Что происходит?

— Тебе надо просто... — Она смотрит мне за плечо. — Бэрронс.

— Катарина.

Я чувствую за спиной его энергию, сексуальную, электризирующую. Каждая клеточка моего тела оживает, когда он рядом. Бэрронс

движется мимо нас, на крытое крыльцо магазина, и я вздрагиваю от желания. Моя потребность в сексе, похоже, напрямую связана с эмоциями, которые я подавляю, а сегодня я подавляю огромное их количество. Когда я впервые приехала в Дублин, я говорила, изучала, испытывала все, расплескивая вокруг свои чувства, радужные, как цвета моего гардероба. Теперь я ношу черное и не выказываю почти никаких эмоций.

Пока Бэрронс меня не раздевает. Тогда я взрываюсь. Я становлюсь пламенем и яростно выплескиваю на него все, что чувствую, а он отражает эти чувства в меня, жарким, опасным сирокко, который сглаживает, меняет форму, приносит нас в то благословенное место, которому не нужно ни солнца в небе, ни звезд, ни луны. Там только мы.

Звенит колокольчик, когда Бэрронс открывает дверь, собираясь выйти. Мне нравится этот звук, и всякий раз, когда я его слышу, я представляю, что он поет: «Добро пожаловать в дом Мак».

— Сюда придут Принцы Невидимых.

— И один из Светлых Принцев, достаточно глупый, чтобы объявить себя Королем, — рычит Бэрронс, пока дверь за ним не закрылась.

— Бэрронс действительно может их контролировать? — спрашивает Кэт.

Она заметно нервничает. И я ее не виню.

Принцы Невидимых смертоносны. Те двое, что вьются к нам сегодня, в незапамятные времена мчались в Дикой Охоте с двумя своими собратями и стали широко известны как Всадники Апокалипсиса. Круус — Война. Я подозреваю, что Кристиан становится Смертью, а это значит, что сегодня в моем доме появятся Голод и Мор. Мило.

— Он говорит, что может нейтрализовать их в стенах этого магазина.

Кэт сухо откликается:

— Ты же понимаешь, что его здесь нет, правда?

— Что, прости?

Этот мужчина достаточно реален для меня.

Все шесть футов три дюйма, все две сотни сорок пять фунтов тугих, мощных, надежных и быстрых мускулов.

— Бэрронс... Он как Риодан. Когда я тянусь к кому-то из них своим даром, я ничего не чувствую. Это больше чем отсутствие эмоций, это отсутствие самой сути. Пространство, которое они занимают, бесцветно.

— Возможно, они умеют блокировать твоё чутье. Возводят вокруг себя щит. Бэрронс знает барьерные чары как никто.

О'кей, ему придется научить меня этому трюку. Я блокируюсь изо всех сил и все же подозреваю, что, если Кэт решит меня испытать, я

окажусь по уши в проблемах.

— Я умею определять наличие барьеров, Мак. Из этой двери только что вышло ничто. Полное отсутствие чего угодно, опознаваемого как жизнь.

— Возможно, их чары находятся за пределами нашего восприятия. — Я очень хочу избежать разговора о том, как Кэт оценивает людей с помощью своего дара. Я боюсь, как бы она не применила его ко мне. — Кэт, я буду рада навестить аббатство. Как насчет следующих выходных?

Я найду какую-нибудь причину не появиться там. Я беру Кэт за руку и осторожно увлекаю ее за собой, вверх по ступеням, к столам, которые Бэрронс составил для совещания.

— Эй, может, ты хочешь чего-нибудь выпить? У меня есть содовая, сладкий чай и вода. Я даже захватила немного молока из последней прогулки в Зеркала.

Я лгу. Бэрронс принес молоко из «Честерса», и я чувствую себя немного виноватой за такое количество льгот. Но не настолько виноватой, чтобы не пить его.

— Молока? А на вкус оно как наше?

— Конечно. Только немного жирнее.

— Я бы выпила стакан! — говорит Кэт, и мы обе смеемся, потому что вещи, которые мы раньше воспринимали как должное, теперь стали

роскошью.

Так обычно и бывает, когда мир рассыпается на куски. Пока вещь не исчезнет, трудно оценить, чем тебе посчастливилось обладать.

В «Книгах и сувенирах Бэрронса» проблемы с пространством. Я подозреваю, что частично за это в ответе Зеркало, соединяющее магазин со скрытыми этажами под гаражом, где Бэрронс обустроил свое логово, но сомневаюсь, что только им ограничено воздействие на эту точку долготы и широты. Иногда мне снится древний бог или свернувшийся кольцами демон, дремлющий под фундаментом.

Большую часть дней «КСБ» высотой в четыре этажа, но иногда в пять, а в редких случаях — в семь. Во вторник роспись на потолке была примерно в семидесяти футах над моей головой, сегодня кажется, что до нее четверть мили, она теряется в вышине. Чем сильнее я пытаюсь сосредоточиться на росписи, тем сложнее ее увидеть. Я не понимаю, зачем кому-то рисовать на потолке эту расплывчатую сцену. Я задавала Бэрронсу этот вопрос, но ответа так и не получила. Однажды я отыщу строительные леса, чтобы полежать на спине под росписью и разобрать, что же изображено на этой чертовой штуковине.

В течение первых месяцев в Дублине я оставалась в жилой половине магазина и начала

привыкать к тому, что этажи моей временной спальни меняются. Дошло даже до того, что вычисление этажа стало чем-то вроде игры.

Я ожидала, что в этих стенах будет сложно. И знаю, что именно здесь я провела лучшие часы своей жизни.

Я стою рядом с Кэт на балюстраде, с которой открывается вид на магазин — в направлении главного фасада. Главная комната примерно в сотню футов длиной и шестьдесят шириной. Верхние этажи занимают половину магазина, к ним ведет украшенная изящной резьбой двойная лестница, которая напоминает мне о книжном магазине Лелло в Португалии⁸. На верхних этажах представлена изумительная подборка антиквариата и сокровищ, накрытых стеклянными колпаками или же подвешенными на стенах. Вот металлический диск с всевидящим ликом Зеленого человека⁹, а вон сияет древний меч над поблекшим, потрепанным в битвах щитом. Я иногда размышляю, не собрал ли

⁸ Книжный магазин, признанный самым красивым в мире.

⁹ Зеленый человек — мотив в искусстве раннего Средневековья, скульптура, рисунок или иное изображение человекоподобного лица в окружении листьев или как будто сделанного из них. (*Примеч. ред.*)

Бэрронс эти «сувениры» на протяжении столетий своей жизни.

Полированные книжные полки занимают стены от пола до потолочного молдинга. За элегантными перилами находятся узкие проходы для доступа к полкам, полированные лестницы скользят на смазанных колесиках от одной секции к другой.

Я смотрю вниз и справа, у отдельно стоящих книжных шкафов вижу журнальную стойку, полностью заполненную последними октябрьскими изданиями. Слева старомодная касса ждет возможности звякнуть серебряным колокольчиком, отмечая продажу, рядом с ней — мой розовый iPod на акустической доске, готовый включить нам «Bad Moon Rising»¹⁰, «Tubthumping»¹¹ или «It's a Wonderful World»¹².

Или, возможно, «Good Girl Gone Bad»¹³.

¹⁰ Песня группы Creedence Clearwater Revival «Восхождение Темной Луны».

¹¹ Песня группы Chumbawamba «Шумиха».

¹² Песня Луи Армстронга «Мир прекрасен».

¹³ Песня Рианны «Хорошая девочка стала плохой».

Когда входят Темные Принцы, окруженные с флангов Бэрронсом и Риоданом, я резко выдыхаю и застываю.

«РАЗОРВИ ИХ УНИЧТОЖЬ НАСАДИ НА КОЛЬЯ!» — ревет у меня внутри «Синсар Дабх».

Я закрываю глаза и вспоминаю один из недавно выученных фокусов: я так старательно занимаю свои мысли чем-то другим, что Книге в них не пробиться.

Когда я была маленькой, папа читал мне стихи. Чем более напевными они были, тем больше мне нравились, и, пожалуй, я уже тогда была с отклонениями, как и он, потому что теплыми летними вечерами папа читал то, что я просила, а мама мыла тарелки, слушала и качала головой, осуждая наш выбор. Я мало понимала смысл, мне просто нравилось, как текут слова. «Кремация Сэма МакГи»¹⁴ очаровала меня. «Сон во сне» обладал гипнотическим эффектом, «Колокола»¹⁵ завораживали. Я была одержима «Пепельной средой» Томаса Элиота, а в седьмом классе на школьном концерте читала «Ворона» наизусть, ненадолго заслужив себе репутацию ботанши,

¹⁴ Стихотворение Роберта Сервиса.

¹⁵ Стихотворения Эдгара Аллана По.

которую пришлось экстренно исправлять кардинально модными мерами. Теперь, вспоминая об этом, я вижу, что выбор был мрачноватым, но в то время горе и жестокость обладали мультяшными пропорциями детства. И мне потребовалось несколько недель, чтобы запомнить так много сложных строф.

«Вспомни, что Принцы сделали с тобой, милая, как они разорвали тебя на клочки и превратили в бездумное животное». Словно я действительно могла позабыть, «Синсар Дабх» бомбардирует меня образами настолько детальными, что у меня мгновенно начинает болеть голова.

Я блокирую их, сосредоточиваясь на том, как папа учил меня делить поэму, чтобы ее было легче запомнить: восемнадцать строф, шесть строк в каждой, в большей части строк по восемь слогов с гипнотической сменой ударных и безударных. Папа называл это хореическим октаметром. Я запомнила, потому что это забавно звучало, папа гордился тем, что я знаю определение, а я готова была на что угодно, чтобы Джек Лейн мной гордился.

Как-то в полночь, в час угрюмый, полный
тягостною думой,
Над старинными томами я склонялся в

«Сломай их, — требует Книга, — заставь пасть пред тобой на колени, заставь назвать своей Королевой».

Грёзам странным отдавался, вдруг неясный
звук раздался,
Будто кто-то постучался — постучался в
дверь ко мне.

Ритм поэмы захватывает меня, как всегда захватывал, и я снова чувствую себя ребенком, цельным, хорошим и любимым.

«Это верно, — прошептал я, — гость в
полночной тишине,
Гость стучится в дверь ко мне».

В отличие от По, мне не приходится открывать дверь. Я могу запереть ее на засов.

Я продолжаю читать поэму, пока не наступают блаженная тишина. И только тогда открываю глаза.

— Что же это? — бормочет рядом со мной Кэт, глядя вниз.

Исчезли дикие, обнаженные, примитивные

Принцы с калейдоскопом татуировок, мечущихся по коже, и сумасшедшими радужными глазами.

Они себя окультурили.

И на месте прежних стояли два черноволосых темноглазых мужчины, излучавших силу, похоть и инопланетную магию. Ошейники Королевского Дома Невидимых сияли, словно усыпанный бриллиантами обсидиан. Я знаю, что они ледяные на ощупь, что они вибрируют с гипнотической гортанной какофонией, — и знаю, что ошейники Светлого Дома напевают неповторимую сложную симфонию.

Головы Принцев больше не вертятся в странной манере, они научились человеческим движениям и поведению, копируют их до малейшего нюанса. Черные крылья, которые смыкались вокруг моего обнаженного тела, пока я умирала под ними тысячей смертей, исчезли, скрытые гламором.

— Я думала, они воют друг с другом, — говорю я.

Кэт отвечает:

— Я думала, что они безумны, ужасны, отвратительны. Мы обе ошибались. Они недавно объединили силы. Я слышала, что Алая Карга заставила их поволноваться.

— Кристиан... — бормочу я, отчаянно пытаюсь не думать о том, что он вынужден

переживать.

— Тогда он спас нас. Возможно, и весь мир. Дэни медлила, пытаюсь решить, к кому броситься, к *ши*-видящим сестрам или к Королю Белого Инея. Она бы сломалась, окажись на ее совести гибель всего нашего аббатства. Жертва, принесенная Кристианом, избавила ее от этого ужаса. И мы перед ним в неоплатном долгу.

— О том, где Кристиан сейчас, до сих пор ничего не известно?

— Дядюшки его ищут. Все мы в аббатстве желаем помочь в спасении, если они его найдут.

Меня ужасает то, что Кристиан отдал себя Карге, но в то же время и радуется, поскольку это означает, что человек, которого я знала, все еще там, несмотря на безумие. Глубоко в душе он все так же заботится о мире вокруг себя. Я сделала мысленную пометку: попросить Бэрронса помочь дядюшкам Кристиана с поисками. Он может надавить на Риодана, чтобы тот отправил одного из Девяти на поиски. Мы не можем допустить, чтобы Кристиан переживал пытки и смерть снова и снова. Мы в долгу перед ним за принесенную им жертву. То, что ему приходится переживать в руках Карги, лишь загонит его еще глубже в безумие Невидимых. Нам нужно спасти его, прежде чем он потеряет остатки своей основополагающей человечности.

Принцы поднимаются по лестницам, совершенно одинаковые, если не считать нескольких дюймов разницы в росте. Я вдруг понимаю, что смотрю прямо на них и не плачу кровью. Кошусь на Кэт — проверить, это со мной что-нибудь не так или она тоже может смотреть на них. Да, может. И смотрит — с восхищением.

— Они достаточно напитались, чтобы себя контролировать, — тихо говорю я.

Когда Принцы только прибыли в Дублин, они напоминали животных, взбесившихся от долгого заточения и голода. Они внушали ужас.

— Принцы изучают нас, учатся у нас.

Я понимаю: овцу нужно успокоить перед бойней. От страха мясо становится жестче. Эти двое, худшие из Невидимых, теперь просто образец «плохих парней». Женщины будут сбегаться к ним стаями, как лемминги к краю обрыва.

Это насильники, те, кто вывернул меня наизнанку, вынул мой разум из тела и разорвал его на части. А еще они, к несчастью, классные, как черти.

Я хочу их убить.

«Да-да-да, УБИТЬ», — вновь выныривает из забвения Книга.

Ясно помню... ожиданья... поздней осени
рыданья...

И в камине очертанья тускло тлеющих
углей...

Ритм захватывает мое внимание. Я молча перекаत्याваю на языке внутренние рифмы и потрясающую аллитерацию, глядя на Принцев; я складываю слоги, как кирпичики, в ментальную стену.

Мои насильники одеты, как Бэрронс. Лощеные. Мужественные. Сексуальные.

Это меня бесит.

— Твою мать, — тихо говорит Кэт. А она ведь никогда не ругается. — Ты представляешь, как среагируют на них мои девочки? Нам и Крууса хватило.

— Твою мать, — соглашаюсь я.

За балюстрадой четыре длинных стола установлены в виде квадрата. Принцы Невидимых занимают одну из его сторон. Бэрронс, Кэт и я садимся напротив.

Все силы уходят на то, чтобы не перепрыгнуть разделяющее нас расстояние и не атаковать их. Меня останавливают два обстоятельства: Бэрронсу Принцы нужны живыми, и я боюсь снова отключиться. Кэт слишком уязвима.

Несколько мгновений спустя Риодан падает

рядом с нами на стул, зажимая Кэт и меня между двумя гудящими источниками силы. Он запускает пальцы в свои густые темные волосы, коротко стриженные на висках, и рассматривает меня ясным аналитическим взглядом. Я бесстрастно встречаюсь с ним глазами. Точеные черты его лица не тронуты морщинами; думаю, он застыл во времени в свои тридцать, к которым добавились неизвестные тысячи прожитых лет.

Как и все приближенные Бэрронса, Риодан мускулист и покрыт множеством шрамов, самый заметный из которых сбегает от челюсти по шее и пересекает грудь. Риодан наслаждается изысканными вещами и покупает их без малейших колебаний. Я хочу узнать историю Девяти, но никто мне ее не расскажет. У каждого из них под кожей живет зверь. Риодан прячет своего лучше всех. Из Девяти, кем бы они ни были, он самый успешный бизнесмен — занимается финансовыми вопросами и поддержанием огромной империи.

Бэрронс — молчаливый лидер их маленькой бессмертной армии, тот, перед кем все они отчитываются. Обычно он позволяет Риодану вести переговоры. Возможно, потому, что знает: сам он потеряет терпение в тот же миг, когда один из его приказов не будет выполнен немедленно, и просто убьет всех, кто окажется в поле зрения. Риодан предпочитает шахматные партии, он уничтожает

противника за пять или менее ходов. Бэрронс же сожрет шахматную доску, приправив ее кровью, как кетчупом.

— У тебя слишком много Невидимых за стенами магазина, Мак, — говорит Риодан.

— У тебя слишком много их в «Честерсе», — холодно парирую я.

— Он понимает наши нужды, — говорит один из Невидимых Принцев.

— За мной они не следуют по пятам, — произносит Риодан.

— И ты тоже разбираешься в наших нуждах, по личному опыту, — шелковым голосом напоминает мне Принц.

Я его игнорирую.

— Это потому, что ты хуже пахнешь, — обращаюсь я к Риодану.

— Гнильцы не хватает, — соглашается он.

— Я использую Невидимых для проверки барьеров. — Бэрронс закрывает эту тему.

Риодан смеется, но не продолжает разговор.

Мы, шестеро, сидим и молча смотрим друг на друга. В комнате почти нет воздуха, только враждебность и ярость. Я стараюсь не дышать глубоко и позволяю руке опуститься на успокаивающую рукоять копья. И тут же отдергиваю ее, вновь атакованная жуткими образами.